

Игорь Сергеевич Градов «Хороший немец – мертвый немец». Чужая война

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6698666*

*Игорь Градов. «Хороший немец – мертвый немец». Чужая война: Яуза-пресс; Москва; 2014
ISBN 978-5-99550-682-9*

Аннотация

«Убей немца!» – казалось, этот клич Ильи Эренбурга должен быть девизом любого «попаданца» на Великую Отечественную. Но что, если тебя угораздило перенестись не в сознание нашего бойца, а в тело гитлеровского офицера? Каково оказаться в шкуре лейтенанта Вермахта в разгар Ржевской мясорубки? Что делать, если на тебе немецкое «фельдграу», а твои окопы атакует советская пехота? Поднять руки? Но здесь не берут в плен. Отказаться воевать? Поставят к стенке. Стрелять над головами красноармейцев? Но они-то тебя не пощадят – ты для них та самая «гнилая фашистская нечисть», которой нужно «загнать пулю в лоб». Хватит ли у тебя мужества, чтобы признаться самому себе: «Я убит подо Ржевом»? Готов ты пожертвовать собственной жизнью не ради того, чтобы переиграть историю, а наоборот – чтобы прошлое осталось неизменным?!

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Игорь Градов

«Хороший немец – мертвый немец». Чужая война

Часть первая

Часы немецкого лейтенанта

Глава 1

Мальчишка продавал часы возле сельского магазина. «Типичный деревенский пацаненок», – подумал Максим. Дранные джинсы, выцветшая майка, сандалии на босу ногу. Только худой, ребра торчат.

Макс пришел в магазин за продуктами – жена уехала с дочкой на несколько дней в город, а готовить он не любил. Да и не умел, если признаться. Вот и заглянул в местную торговую точку, чтобы купить кое-что съестное. Консервы, скажем, колбасу, пиво. На первое время хватит, а там и жена вернется. Покажет дочку врачу – и сразу назад, на дачу. К свежему воздуху, парному молоку и полезным (прямо с грядки!) овощам...

В магазине народа не было – время полуденное, дачники (точнее, дачницы) уже отоварились, а местные подойдут ближе к вечеру, после работы. За прилавком одиноко скучала дородная продавщица.

Тетка лениво обмахивалась газеткой и с неудовольствием взирала на единственного покупателя – чего копаются? Максим долго не мог ничего выбрать. Колбаса на витрине выглядела вполне аппетитно, но сколько ей на самом деле лет? Не хочется всю ночь в сортир бегать... Наконец он решился:

– Дайте, пожалуйста, пару банок тушенки, батон белого и полкило копченой колбасы. И большую бутылку воды.

Продавщица отлипла от прилавка и медленно поплыла к весам. Через минуту Максим вышел на крыльцо, за его плечами был рюкзак с продуктами. Пиво он брать не стал – по такой жаре лучше обойтись.

Он осмотрелся – до дачи почти четыре километра, а на площади никого. Значит, придется пылить до дома пешком, попутку в этой глуши не найдешь. Деревня Брошки находилась в самой глухомани – Смоленская область. От Москвы далековато – полдня на машине пилить, ближайший город – Гагарин, бывший Гжатск, чуть дальше – Вязьма, на север – Ржев.

Зато были в этом и свои плюсы – чудесная природа, свежий воздух, прохладная речка Гжать с отличной рыбалкой. И главное – москвичей практически никого, можно отдохнуть от навязчивых и шумных столичных соседей. Так хочется после суетной, дерганой, нервной Москвы деревенской тишины и покоя...

Дом в Брошках достался жене от деда – тот в нем родился и вырос. Дед Маринки, Иван Белоусов, всю жизнь проработал в местном колхозе и был похоронен на кладбище за околицей. Почти вся его семья погибла во время войны, а сам он пятнадцатилетним мальчишкой удрал на фронт и воевал как раз в этих местах. Был тяжело ранен, контужен, но после госпиталя вернулся в строй и продолжил драться, закончив войну уже где-то в Германии.

Заслуженный человек, фронтовик, ветеран. Пользовался всеобщим уважением и почетом, хотя и работал простым трактористом. Вырастил детей, воспитал внуков... Но после

его смерти, а в особенности после смерти жены, бабы Нюры, родственники не захотели продолжить деревенскую жизнь и разъехались кто куда. Большинство подалось в соседнюю Вязьму, и старый дом стал никому не нужным. Продавать его было невыгодно – больно уж далеко от Москвы, потому и стоит копейки.

Так он и стоял, всеми забытый (живи – не хочу), пока Марина однажды не предложила Максиму провести в нем отпуск. Он сначала отнекивался – дикая глушь, что там делать, но потом сдался – недавно родившейся Машке нужны были свежий воздух и здоровое огородно-овощное питание.

Поехали, привели дом в относительный порядок, пожили немного. И неожиданно Максиму понравилось – спокойный, неспешный деревенский быт, минимум забот и волнений (что при его-то нервной работе!), дневное купание в Гжати и рыбалка (до которой он был большой охотник) на вечерней зорьке...

На следующее лето он уже сам предложил Марине перебраться в Брошки и провести все лето. Приятное, полезное дело, к тому же очень дешево: овощи и ягоды стоили в деревне копейки, а других расходов практически не было. Продукты привозили в основном из Москвы, а чего не хватало, закупали в местном сельмаге. Правда, магазин находился в селе Победное, что в пяти километрах от Брошек, но на машине – всего десять минут по проселочной дороге. Или полчаса своим ходом напрямки через колхозное поле и соседний лесок. В общем, и Макс, и Марине, и, самое главное, Машке деревенский быт очень понравился.

Поэтому в мае, едва потеплело, Макс отвез сам семью в Брошки – на летнее жительство. Работа пока не отпускала его, но на выходные и праздники он регулярно приезжал – привозил запасы продуктов и общался с женой и дочкой. А когда наступил долгожданный отпуск, то быстренько перебрался в деревню. Чтобы как следует расслабиться в тишине и отдохнуть...

Но вчера Марина уехала в Москву – показывать дочку врачу. Обследование предстояло сложное, записались на него заранее, поэтому отложить не представлялось возможным. В общем, взяла машину Макса, посадила дочку, чмокнула любимого мужа в щечку и укатила. Но обещала сразу вернуться, как только они пройдут консультацию у врача...

Так Макс остался один. Сегодня, чтобы убить время до рыбалки (не все же валяться на диване и пялиться в телевизор), решил сходить в сельский магазин. Купить продуктов и пива, чтобы потом употребить с жареной рыбой и молодой картошкой...

* * *

На крыльце сельмага Максим заметил мальчишку.

– Дядя, купи часы! – тихо произнес паренек. – Хорошие, немецкие!

Макс посмотрел: в руке парнишка сжимал небольшие мужские часы в тусклом металлическом корпусе. Блеклый циферблат, длинные, тонкие стрелки, непривычные крупные цифры. Такие сейчас не делают, это точно.

Он повертел часы в руках и понял, что мальчишка не врет. Это действительно были немецкие часы. На циферблате отчетливо был виден фашистский орел со свастикой в когтистых лапах.

– Сколько хочешь? – поинтересовался он.

– Тыщу! – выпалил мальчишка.

– Тысячу рублей? – присвистнул Макс. – Ну, ты, брат, даешь! Пятсот я бы дал, и то по доброте душевной.

На самом деле часы Максиму были не нужны, он подобными раритетами никогда не интересовался, но через месяц должен был быть день рождения у его приятеля, Костика. Вот тот как раз обожал подобные штучки и активно собирал их.

Костик был прямо повернут на военных трофеях, скупал всё, что мог достать, и особенно ценил «гансющий хабар»: офицерские и солдатские нагрудные знаки, медали, ордена, фляжки, кинжалы. Немецких часов у него в коллекции точно не было, это Макс знал. Значит, представлялся отличный шанс сделать ему отличный подарок, причем недорого. Тут в голову Максиму пришла одна мысль:

– А ты, случаем, не спер их из школьного музея? – поинтересовался он у мальчишки.

Не хотелось бы становиться участником криминального дела...

– Что вы, дядя, – обиделся паренек, – нашел их!

– И где же? – прищурился Максим. – На дороге, что ли, валялись?

– Так я вам и сказал, – хмыкнул мальчишка. – Места надо знать!

Макс повертел в руках часы и сделал вид, что размышляет. Парнишка занервничал.

– Да вы, дядя, не думайте, они настоящие! Только почистите немного, и они как новенькие будут. Может, даже заработают...

– Тысяча рублей... – протянул Максим. – Дороговато! На что тебе столько?

– Мобильник хочу купить, – тряхнул головой мальчишка, – а самый дешевый не меньше трех тысяч стоит. Я уже узнавал... Тысяча у меня уже есть – бабка на день рождения подарила, еще пятьсот мать обещала дать. А если эти часы продам, то совсем ничего собрать останется.

Максим подивился недетской рассудительности мальчишки и кивнул:

– Ладно, часы я у тебя покупаю.

И протянул тысячную купюру.

– Еще столько же дам, если покажешь то место, где нашел.

Парнишка замялся. Макс вынул из бумажника две бумажки по пятьсот рублей.

– Видишь? Твои будут. Сможешь купить мобильник сегодня же, и не какую-нибудь дешевку, а модель получше, подороже.

– Дадите, не врете? – недоверчиво посмотрел на него мальчишка.

– Честное пионерское, – твердо ответил Макс. – Покажешь, где нашел, и деньги твои.

Паренек решился:

– Ладно, давайте деньги.

– Вот тебе пятьсот рублей, – сказал Макс, протягивая одну купюру, – как задаток, а остальное получишь, когда приведешь меня на место.

Мальчишка ловко спрятал деньги в карман:

– Идемте!

Они дружно зашагали по пыльному проселку.

– Зовут-то тебя как? – поинтересовался Максим.

– Пашка.

– А мать не хватится, что нет дома?

– Нет, – покачал головой паренек, – она допоздна работает. Сейчас дома одна только бабка, но она старая, ей все равно, где я.

Они шли довольно долго. Сначала миновали бесконечные поля, потом прошли через какой-то лесок, и наконец мальчишка махнул рукой – сюда! Вошли в маленькую рощицу. Пашка свернул на едва заметную тропинку и быстро пошел по ней.

– Мне бабка говорила, – начал он, – что во время войны здесь немецкие траншеи были. Два года между нашими и фрицами война шла. Убитых на полях лежало – ужас! Хоронить даже не успевали. А лес был весь блиндажами да дотами утыкан. Наши сюда не ходят – место, говорят, нехорошее, людей много здесь погибло. А мне ничего... Зато грибов много!

Они прошли по узкой, извилистой тропинке и спустились в оплывший овраг. «Здесь, наверное, и были немецкие укрепления, – решил Максим, – сразу видно – окопы в полный рост, до сих пор еще следы остались...»

– Наши с той стороны наступали, – пояснил Пашка, – из-за Гжати, а фашисты тут сидели. Пушек у них, говорят, было много, пулеметов! Но наши их все равно отсюда выбили и погнали!

В голосе мальчишки зазвучала неподдельная гордость.

– А ты зачем сюда ходишь? – поинтересовался Макс.

– Я же говорил – за грибами, – пожал плечами Пашка, – наши здесь не бывают, дачники тоже – далеко. А я соберу, а потом на шоссе продаю. Мой заработок, законный.

Через минуту они дошли до места. Пашка показал ничем не примечательный, заросший кустами холмик.

– Вот тут я в дырку и провалился.

Максим присмотрелся: у основания холмика виднелся черный провал. Подошел, заглянул внутрь. Ничего, конечно, не увидел – темно было, надо лезть внутрь с фонариком.

– Я туда по самый пояс провалился, – пояснил Пашка, – сначала сильно испугался, а потом пригляделся – вроде землянка старая. Интересно мне стало. Нагнулся, залез поглубже, а там – скелет!

– Какой скелет? – не понял Максим.

– Фашистский! – выпучил глаза Пашка. – Землей его засыпало, но одна рука и череп – снаружи. Я пошарил вокруг, вроде нащупал что-то, вылез, смотрю – а это часы немецкие, с орлом! Вот и решил продать...

Максим задумался. Скорее всего это был немецкий блиндаж, его завалило снарядами или бомбой. Вместе с немцем...

– Я слово свое сдержал, давайте деньги! – потребовал Пашка.

– Держи, – протянул Максим обещанную купюру, – заработал.

Мальчишка кивнул и побежал обратно. Макс остался стоять один. Закурил, заглянул еще раз в дырку. Интересно, что там внутри? Надо бы залезть посмотреть...

* * *

Он вернулся в дом, нашел лопату, электрический фонарик, взял еще фляжку с водой и матерчатые перчатки. Хоть была жара, но надел на всякий случай крепкие ботинки (мало ли что там внутри) и плотные брюки. На голову – бейсболку, вместо легкой футболки – рубашку с длинными рукавами. Все, теперь можно идти.

К счастью, стало прохладнее, жара уже не так давила. Но в лесу было еще душно, воздух казался каким-то застывшим, мертвым. Дорогу до блиндажа он нашел быстро – была хорошая зрительная память.

У холмика Макс сбросил рюкзак и приступил к работе. Лопатой немного расширил дырку, осторожно пролез внутрь. Резко пахло сырой землей, как в глубоком погребе. Макс зажег фонарик, осмотрелся. Стены блиндажа сильно оплыли, чудом сохранившиеся бревенчатые перекрытия, казалось, могли рухнуть в любую секунду. Очень, скажу вам, неприятные ощущения...

В углу, как и сказал Пашка, лежал немец. Точнее, то, что от него осталось. Из земли торчали желтоватые человеческие кости, а у стены валялся череп с остатками волос. Видно, фашист пытался выбраться наружу, да не смог. Голову и руку высвободил, а на остальное уже сил не хватило. Может, раненый был или контузило сильно...

Макс присел рядом с останками, осторожно разгреб землю лопаткой. Увидел часть сгнившего мундира и знаки различия. Судя по ним, это был лейтенант вермахта. Среди костей он обнаружил круглый медальон. Необычный – маленький и, кажется, позолоченный.

Макс аккуратно очистил тусклый, желтый кругляш, поддел ножом плоскую крышечку. Внутри оказалась блеклая фотография, а на ней – молодая женщина с ребенком, девочкой лет четырех-пяти.

«Почти как моя Машка», – подумал Макс. Немец, судя по всему, был молодым, возможно, даже его ровесником. В медальоне нашлась крошечная записка на тонкой бумаге. Максим сначала хотел развернуть ее дома, чтобы не повредить, но любопытство взяло верх. Медленно развернул листочек и стал разбирать едва заметные буквы. Спасибо родной немецкой спецшколе – выучили языку. Прочитал: лейтенант Петер Штауф просил, чтобы медальон в случае его гибели передали жене Эльзе, проживающей с дочкой Мартой в Берлине по адресу: Кроненштрассе, дом двадцать пять, квартира шесть.

Макс посидел, подумал, потом положил медальон в карман и вылез из блиндажа. На воздухе присел на холмик и закурил. И твердо решил – как только представится возможность, напишет в Берлин. Если родственников Петера Штауфа по данному адресу не окажется (семьдесят с лишним лет прошло!), попытается найти их с помощью архивов. В Германии, как правило, они хорошо сохраняются, немцы в этом деле – большие педанты. Надо передать родным медальон и часы. А потом пригласить в Россию и показать место, где погиб лейтенант Штауф. Пока же... Ни к чему было оставлять блиндаж открытым, мало ли что. Не надо тревожить покой мертвых, они свое уже отвоевали. И наши, и те.

Макс наломал толстых веток и заложил провал в земле, а сверху еще накидал листьев. Если не приглядываться, ничего не видно. Вот и славно.

* * *

Дома Макс еще раз внимательно рассмотрел трофеи. Медальон был в неплохом состоянии – скорее всего Петер Штауф бережно носил его в кармане кителя (немцы так сентиментальны!), вот он и сохранился. Маленький позолоченный корпус с плотной крышкой, к счастью, оказался непроницаемым для воды...

Часы тоже не очень пострадали от времени – стекло не разбито, циферблат чистый, стрелки неполоманные. Ремешок, конечно, давно сгнил, да и корпус потускнел, но это дело поправимое. Почистить, поправить – и будут как новенькие. Родственники Петера наверняка обрадуются находкам. Все-таки память об отце-деде-прадеде. Если, конечно, он отыщет их. Но попытаться-то, конечно, стоило.

Дочка Штауфа, если жива, уже пожилая женщина, вряд ли сможет приехать в Россию на место гибели своего отца, но внуки и правнуки – наверняка. Для них это тоже интересно – реальная история войны. В Германии, как знал Макс, сейчас был большой интерес к подобным раритетам.

У него в Берлине, кстати, имелся близкий друг – Борька Меер. После окончания института он уехал в Берлин, закончил магистратуру и остался в Германии навсегда. Устроился в хорошую фирму, женился на немке, стал настоящим бюргером. И был по-своему счастлив. По крайней мере, обратно на родину не рвался. Макс с ним часто перезванивался – и по делам, и просто так, по старой дружбе. К Борьке, пожалуй, и можно обратиться. Пусть запросит архивы, наведет справки, узнает все о судьбе Эльзы и Марты Штауф. Можно и газетчиков с телевизионщиками подключить – для них это тоже интересно, отличный сюжет, живая тема.

Макс убрал часы и медальон в ящик стола и стал готовить себе нехитрый ужин. Поел, посмотрел телевизор. Но очередной сериал быстро надоел ему. Одна и та же мура про бан-

дитов и практически неотличимых от них стражей порядка. Спать еще не хотелось, а читать он не особо любил. Чем бы заняться?

Он встал с кресла и подошел к столу. Открыл ящик, взял в руки часы, посмотрел. Металлический корпус тускло сверкнул при свете настольной лампы. Надо же, даже ржавчины практически нет! Тут в голову Максиму пришла сумасшедшая мысль. А что, если... Он осторожно оттянул заводное колесико и слегка покрутил его. Когда-то давно у него были почти такие же часы – только советские. Тоже с круглым циферблатом и в белом металлическом корпусе. Ему подарил их дядя Миша, брат отца.

Часы были семейной реликвией. Дед, Максим Петрович, приобрел их на толкучке еще до войны, а потом, уходя на фронт, вручил старшему сыну, Мишке. Тот часы сберег – даже в трудные, голодные годы не обменял на еду или сигареты, а аккуратно и бережно хранил в ящике письменного стола. Вернувшись с фронта, Максим Петрович навсегда отдал их сыну – у него уже были другие, немецкие, трофейные.

Дядя Миша долго носил отцовские часы, почти двадцать лет, а потом подарил на день рождения любимому племяннику, Максиму (своих детей у него не было) – пусть дальше хранит семейную реликвию. Макс их немного поносил, а потом спрятал в стол – они были старые, потертые и, главное – давно немодные. Часы уже перестали быть дефицитом, их легко можно было купить в магазине. Причем любые, даже в тяжелом золотом корпусе.

Дядю Мишу давно похоронили на воронежском кладбище, а вот часы остались. Макс их не выбросил, а сохранил как память о героическом деде и любимом дяде. Сам он носил кварцевые часы, а потом жена на день рождения преподнесла хороший подарок – настоящие швейцарские ходики. Не самые дорогие, конечно, но тоже ничего...

Дедовы часы теперь хранились у матери. Когда Макс переезжал на новую квартиру, то оставил ей на память вместе со всеми старыми вещами. Не тащить же их с собой! Новая квартира хотя и была весьма просторная, но все же не резиновая. И вот теперь эти часы внезапно вспомнились...

«Хорошо бы найти их, – подумал Макс, – и починить – тоже ведь семейная реликвия». Его самого называли в честь деда, Максима Петровича, геройски прошедшего всю войну...

Макс осторожно завел немецкие часы – разумеется, никакой реакции. Все правильно, столько лет прошло... Тогда слегка их встряхнул – всегда так делал, когда требовалось привести в чувство старые ходики. Обычно срабатывало, сработало и сейчас – большая стрелка неожиданно чуть дрогнула...

* * *

– Петер, куда ты лезешь!

Чья-то сильная рука сдернула его вниз. Макс упал на сырую, холодную землю и больно ударился локтем обо что-то твердое. Оказалось – деревянный ящик с немецкими гранатами. При бледном, мерцающем свете осветительной ракеты Макс отчетливо разглядел темно-зеленые цилиндры с характерными длинными деревянными ручками. А над ним нависало чье-то сердитое лицо:

– Совсем, что ли, с ума сошел, прямо под пули лезешь! – кричало лицо. – Сиди тут и не высывайся, пока обстрел не закончится.

При очередной ракете Макс с удивлением обнаружил, что находится на дне длинной траншеи, а рядом с ним стоит мужик в военной форме. Причем в немецкой. Точнее – в фашистской. Судя по знакам различия, обер-лейтенант вермахта. Снаружи стоял страшный рев – над ними что-то с оглушающим грохотом взрывалось, а еще противно пахло какой-то кислой, едкой дрянью. Обер-лейтенант наклонился и прокричал в самое ухо Максиму:

– Не высовывайся, я сказал! Когда русские полезут, тогда и показывай свою храбрость, а пока нечего тут... И прикажи своим ребятам приготовить побольше гранат – иначе не отбиться. В общем, держись!

Обер-лейтенант ободряюще хлопнул Макса по плечу и, пригнувшись, побежал куда-то дальше. Макс потряс головой, пытаясь прийти в себя, но странное видение почему-то не исчезало. Посмотрел направо, затем налево – вокруг сидели солдаты. В такой же, как у него самого, зеленовато-серой немецкой форме. В стальных касках и с карабинами в руках. И каждый старательно вжимался в земляную стенку, пытаясь укрыться от осколков, время от времени залетающих внутрь траншеи. Один из них протянул Максу пачку сигарет и что-то ободряюще произнес.

Макс не расслышал, что именно – из-за грохота над головой. Сверху на него летели комья земли, уши постоянно закладывало. И еще невозможно было дышать из-за противного, тяжелого дыма. Макс узнал характерный запах взрывчатки, который запомнил еще с военных сборов...

Что именно сказал немецкий солдат, Максим не расслышал, но отчетливо осознал, что это было сказано по-немецки. Он механически взял протянутую пачку, достал сигарету и поблагодарил – разумеется, тоже на дойче. И сам удивился, насколько легко и свободно у него это получилось – как будто говорил на нем с самого детства, а не мучительно зубрил в немецкой спецшколе. Сосед (судя по погонам – фельдфебель) кивнул в ответ и зажег спичку. Макс с наслаждением затянулся. Сигарета была дешевая, мягкая, но выбирать, увы, не приходилось...

Между тем обстрел начал понемногу стихать – грохотало уже не так сильно и часто, разрывы переместились куда-то дальше, за линию траншей. «Сейчас иваны полезут, станем отбиваться, – весело произнес все тот же фельдфебель, – командуйте, герр лейтенант».

Командовать? Кем, зачем? И вообще – что тут происходит? Куда он попал, черт возьми? Надо бы разобраться...

Макс в две затяжки докурив сигарету, привстал и осторожно выглянул за бруствер. Темноту ночи то и дело разрывалась бледным светом ракет, и Макс разглядел, что впереди лежит большое черное поле. Непосредственно перед окопами была натянута колючая проволока (во многих местах, впрочем, уже порванная), а дальше начиналось открытое пространство, усеянное черными воронками. Кое-где возвышались останки сгоревшей военной техники – похоже, танков или бронетранспортеров.

С противоположной стороны поля велся густой огонь – мелькали короткие, острые вспышки выстрелов. Сухой винтовочный треск то и дело прерывался резким, длинным треском пулеметных очередей. Дружно и тяжело бухали пушки – их снаряды то и дело с противным свистом проносились над головой и рвались где-то позади. Макс посмотрел по сторонам – повсюду змеились траншеи, в которых, скрючившись, сидели немецкие солдаты.

– Ну, герр лейтенант, – улыбнулся знакомый фельдфебель, – пора, вроде бы наступают. Слышите – уже команды кричат.

Точно – сквозь грохот взрывов Макс отчетливо расслышал приказы на русском языке. «Вперед, в атаку!» – орал кто-то в метрах трехстах от него. Вслед за приказом раздалось нестройное, недружное и какое-то неуверенное «Ура!», и из темноты полезли черные фигуры. Пригнувшись, страшные, с длинными штыками наперевес.

«К бою!» – крикнул кто-то справа от него, и Макс автоматически повторил команду. Ее тут же продублировал и фельдфебель. Солдаты нехотя поднялись со дна и приготовились стрелять. Пулеметчики заняли места в гнездах. Значит, сейчас будет бой, понял Макс, и ему придется воевать. И атакуют его, судя всему, красноармейцы. Свои, русские...

Макс еще раз потряс головой, надеясь, что этот бред пройдет, но ничего не изменилось: окоп остался на месте, и он в нем тоже. Более того – справа и слева затрещали выстрелы –

это солдаты начали стрельбу. Нервно, с захлебками, забили тяжелые пулеметы, слышались визгливые звуки мин – по атакующим лупили из всех видов оружия. Перед красноармейцами вставали желто-огненные столбы, они падали, поднимались и упорно продолжали бежать. Вот первые из них достигли колючей проволоки, упали, в воздух полетели гранаты.

Сильный взрыв оглушил Макса. Он закрыл голову руками и рухнул на дно окопа, по спине заколотили сухие комки земли. В голове тяжело загудело, уши опять заложило. Фельдфебель что-то проорал ему, но Макс не понял – видел лишь искаженное криком лицо. Немец помог Максиму подняться и показал рукой вправо – очевидно, там происходило что-то важное.

Максим не мог сдвинуться с места – вообще с трудом стоял на ногах. Оперся рукой о стенку траншеи и потряс головой, однако гул так и не прошел. Фельдфебель наклонился и прокричал в самое ухо. Макс с трудом понял: «Русские прорвались на правом фланге, сейчас будут здесь! Надо отбиваться, герр лейтенант!»

Макс автоматически нашарил на правом боку кобур с пистолетом и негнущимися пальцами расстегнул ее. Кажется, «вальтер», стандартное оружие немецких офицеров. Костик как-то рассказывал ему, что пользоваться им очень просто. Надо лишь снять с предохранителя и сразу можно стрелять...

При очередной ракете Макс нашел слева от затвора флажок, оттянул кверху. Вроде бы так, кажется... Надо проверить. Он направил ствол пистолета куда-то в сторону и нажал на курок. Выстрел оказался громким, руку с непривычки отбросило в сторону. «Придется держать тверже, – решил Макс, – как учили на военных сборах». Тогда им, студентам-четверокурсникам, показали, как следует обращаться с «макаровым». Поставили мишени на двадцати пяти метрах, вручили каждому по пистолету, и вперед...

Макса удивила тяжесть невеликого, казалось бы, оружия, а также довольно сильная отдача. Инструктор-лейтенант посоветовал сильнее напрягать руку и целиться сверху вниз – чтобы легче вести. Макс поразил цель три раза – ровно на «зачет». И вскоре забыл о своем недолгом военном опыте. Он не был фанатом оружия и вообще не любил ничего армейское...

На военную кафедру он пошел по тем же причинам, что и все его однокурсники – чтобы избежать армии. Отсидел положенные часы на нудных, скучных занятиях, сдал зачеты и экзамены, прошел летние военные сборы. Ему понравилось стрелять из «калашников» – короткие очереди приятно ложились в цель. Неплохо пробежал кросс, выполнил упражнения по метанию гранат и даже стал отличником по матчасти. В общем, претензий к нему со стороны военной кафедры не было, и после окончания института он получил свой офицерский билет.

И сразу же засунул его глубоко в стол – чтобы не напоминал о бездарно потраченном времени. Пригодился билет только раз – когда устраивался на первую работу. Без него никуда не брали, отдел кадров в этом смысле был весьма строг. И вот теперь ему предстояло вспомнить все прошлые навыки. Причем как можно быстрее.

Немцы пока держали оборону и успешно отбивали атаку, но среди них уже имелось немало убитых и раненых. Тела не убирали – некогда было. Но ситуация внезапно резко изменилась: справа слышались какие-то громкие крики – видно, противник все же прорвал оборону, и началась рукопашная схватка. Максиму стало не по себе – драться со своими?

Как быть? Поднять руки и сдаться? Мол, Гитлер капут и все такое прочее... Так фрицы пристрелят же. Вон как фельдфебель на него смотрит, не поймешь – то ли следит, то ли его команды ждет. Макс зло сплюнул – черт, не разберешься, кто тут свой, а кто – чужой. Атакуют вроде бы свои, русские, но они хотят убить его, а защищают чужие, немцы... Вот проблема-то!

И еще одна мысль пришла ему в голову: даже если он сдастся, не факт, что выживет. Кто поверит ему? Как доказать, что он из будущего? Случайно попал из двадцать первого века... На нем же форма лейтенанта вермахта, а в кармане кителя наверняка лежит немецкая

офицерская книжка. Выслушают, посмеются и отправят в дурку – мол, рехнулся фриц со страха. Или пристрелят по-быстрому, чтобы не возиться. Это, похоже, не выход...

Между тем крики усилились. Фельдфебель тревожно смотрел на него, ожидая команды. «Берите людей – крикнул Макс, – и дуйте на правый фланг, отбивайтесь!» Фельдфебель кивнул и с несколькими подчиненными побежал направо. Но не успел – навстречу неожиданно выскочили красноармейцы.

Завязался короткий ожесточенный бой, в котором перевес оказался на стороне русских – они брали напором и силой. Здоровый, высокий красноармеец с совершенно безумными глазами на бледном лице одним ударом приклада снес стоявшего на его пути фельдфебеля и повернулся к Макс. Еще мгновение – и тот вонзится в него длинный, острый штык...

Макс инстинктивно сделал два шага назад, споткнулся об ящик с гранатами и упал. Закрываясь, неловко выставил вперед правую руку с пистолетом и, не глядя, нажал на курок. Потом еще раз... Резко грохнули выстрелы, красноармеец, дернувшись всем телом, рухнул на дно окопа.

К счастью, подоспела подмога – обер-лейтенант с двумя десятками солдат. Очень вовремя... Положение было восстановлено, враг отбит.

– Жив, Петер? – спросил, ухмыляясь, обер-лейтенант. – Молодец! Кстати, это ты русского медведя завалил?

И показал на лежащего ничком красноармейца.

– Так точно, он, – произнес неизвестно откуда взявшийся фельдфебель, – господин лейтенант сам убил, я видел.

Фельдфебель был без каски, с разбитой головой, но все же живой.

– Герр лейтенант спас меня, – продолжил он свой рассказ. – Этот медведь как двинул меня прикладом по голове, так я сразу отлетел в сторону, подумал – все, конец мне пришел. Упал, даже карабин из рук выронил... Еще бы секунда – и все, прикончил бы меня. А герр лейтенант взял и выстрелил в него из пистолета! Два раза, и оба – в цель!

– Отлично, Петер, – кивнул обер-лейтенант, – я обязательно доложу о твоём подвиге командиру батальона. Мало того, что ты лично участвовал в рукопашной схватке, так еще спас своего фельдфебеля. За это положено награждать Железным крестом. Так, Загель?

– Так точно, – улыбнулся фельдфебель.

– Хорошо, собирай своих людей и восстанавливай порядок, – приказал обер-лейтенант. – А я побежал дальше, надо и в другие взводы наведаться, посмотреть, как там.

Он скрылся в темноте, а благодарный Загель бросился поднимать Макса:

– Как вы, герр лейтенант, не ранены? Что-то больно бледные...

Макс покачал головой – нет, не ранен, а про себя подумал: «Будешь тут бледным, когда тебя чуть не убили. Причем свои же, русские. И он только что человека застрелил. Впервые в своей жизни...»

– Все нормально, – повторил Макс, поднимаясь. – А вот вам надо в госпиталь. У вас кровь течет по лицу...

– Потом, после боя, – отмахнулся Загель. – Сначала нужно порядок навести... Разрешите, герр лейтенант?

И стал отдавать приказы, и Макс получил небольшую передышку. Тяжело опустился на ящик, достал из кармана брюк мятую пачку сигарет, нервно закурил. Вот ведь попал, бог знает куда провалился, да еще приходится воевать со своими. Прямо как кино, только, похоже, этот фильм нельзя остановить и перемотать назад. И поставить на паузу, чтобы пойти на кухню и сварить себе кофе.

Макс плотно закрыл глаза и стал повторять, как заклинание: «Я сплю, этого ничего нет и быть не может...» Но через минуту понял – бесполезно, война никуда не делась, более того – постоянно напоминала о себе. Взрывы стали ближе, перестрелка усилилась...

Очередная волна атакующих навалилась на окопы, и почти к самым ногам Макса упала граната. Он даже не успел испугаться, просто подумал: «Все, кажется, отвоевался». Грохнул взрыв, его бросило на дно, завалило землей. Макс сначала ничего не почувствовал, не было даже боли, но потом какая-то черная, вязкая темнота нахлынула на него, и он потерял сознание.

Глава 2

Сознание возвращалось медленно, какими-то толчками. Сначала Макс услышал голоса, попытался приоткрыть один глаз и посмотреть, кто же находится рядом. Увиденное его не обрадовало – возле кровати стояли двое, и оба – в серо-зеленой немецкой форме. Они что-то живо обсуждали. Так, кошмар, кажется, продолжается...

А ведь была у него смутная надежда, что все, что с ним случилось, – наваждение, морок, галлюцинация. Макс согласился бы даже на «белочку», лишь бы очутиться снова в своем времени и в своем доме. Впрочем, откуда было «белочке» взяться, если он человек почти непьющий и ничего крепче пива обычно не употребляет? Максимум, что может себе позволить, – пара бокалов сухого вина. От водки и других серьезных напитков у него сразу начиналась жуткая головная боль. Прямо как сейчас...

Макс постарался прислушаться к тому, что говорили. Первый мужчина (очевидно, врач) докладывал второму:

– У лейтенанта Штауфа сильная контузия, но серьезных ранений, кажется, нет.

– Повезло Петеру, – констатировал второй, высокий, седоватый мужчина с жестким, властным лицом, – русская граната прямо у его ног взорвалась. Двоих покалечило, а он практически цел и невредим.

– Зато контужен, – напомнил врач.

– Несмертельно, – отмахнулся седой. – Подумаешь, контузия! Через пару дней оклемается. Меня сколько раз контузило, и ничего, живой!

Макс попытался приподняться, но голову пронзила дикая боль, и он со стоном повалился обратно на подушку.

Заметив, что пациент очнулся, врач наклонился и спросил:

– Ну, как вы себя чувствуете?

– Пить! – чуть слышно попросил Макс.

Доктор сделал знак, и немолодая костлявая медсестра подала кружку с водой. Макс благодарно кивнул и припал к краю. Ничего вкуснее, кажется, он в своей жизни никогда не пил, хотя это была самая обыкновенная вода.

Врач подождал, пока пациент утолит жажду, и произнес:

– Мне нужно вас обследовать...

И быстрыми, точными движениями проверил его реакцию, зрачки, осмотрел голову, потом с удовлетворением сказал:

– Так и есть – контузия, но, кажется, ничего больше. Полежит немного в госпитале, поправится – и обратно, на передовую.

Седоватый нагнулся к кровати, и Макс заметил у него на плече серебряный витой погон. Значит, майор вермахта.

– Видишь, Петер, не зря говорили, что ты у нас везунчик, – улыбнулся офицер. – Из взвода больше половины людей погибло, а ты, можно сказать, ерундой отделался. Мне оберлейтенант Нейман доложил о твоём подвиге – как ты фельдфебеля Загеля спас. Проявил хладнокровие, выдержку, застрелил того русского... Я, кстати, видел его – настоящий великан! Просто чудо, что ты с ним справился. Нейман просит представить тебя к награде, и я, пожалуй, подам рапорт – такие дела надо поощрять. Буду просить о награждении тебя Железным крестом.

Макс не знал, что отвечать. Он уже понял, что находится в немецком госпитале, но почему, зачем? И кто этот майор?

Тот, кстати, внимательно посмотрел на него:

– Что с тобой, Петер? Ты будто меня не узнаешь...

– Никак нет, э... господин... майор, – с трудом выдавил из себя Макс.

Врач тут же наклонился к нему:

– Скажите, что вы помните последнее?

– Ну, была атака, – начал перечислять Макс, – русские прорвались на правом фланге. Вдруг появился этот здоровый красноармеец с винтовкой... А дальше – ничего. Взрыв гранаты – и темнота.

– Ясно, – кивнул врач, – а если более общий ответ? Скажите, какое сегодня число?

Макс пожал плечами – не знаю.

– Месяц, год? – стал допытываться доктор.

– Не помню.

– Номер вашей части?

Макс сделал вид, что пытается вспомнить, но потом отрицательно покачал головой.

– Дело плохо, – огорченно протянул врач, – намного хуже, чем я предполагал. Контузия, очевидно, привела к временной амнезии...

– Но Петер может вернуться в строй? – озабоченно спросил майор. – Не хотелось бы терять такого отличного, перспективного офицера.

– В физиологическом смысле у лейтенанта Штауфа нет серьезных повреждений, – подумав, ответил врач. – Он, можно сказать, почти здоров, но, боюсь, сильная контузия замедлит его восстановление. К тому же еще и эта амнезия... Впрочем, посмотрим. Временная потеря памяти при взрыве – не такое уж редкое явление на фронте, скорее даже обычное. Человек, как правило, приходит в себя и возвращается в строй, на это уходит две-три недели, иногда больше – месяц, два. Хотя могут быть и более сложные случаи. Вот, например, у меня в прошлом году был один интересный пациент...

И врач начал рассказывать про какого-то гауптмана Хальце, который тоже потерял память и никого не узнавал. Даже имени своего не помнил. Три месяца мучился, бедняга, но потом, благодаря своевременной помощи и должному уходу, не только полностью восстановился, но продолжил службу и получил повышение – теперь командует батальоном...

Макс сделал вид, что ему плохо – закрыл глаза и слегка застонал. Врач тут же заботливо произнес:

– Не будем вам мешать, лейтенант Штауф, спите спокойно, это лучшее лекарство. Завтра утром я вас еще раз осмотрю, и тогда решим, что с вами делать. Надеюсь, что результаты окажутся более положительными.

Врач и майор удалились. Макс слегка приподнялся и осмотрел комнату. Крошечная палата, четыре железные койки. Слева лежал молодой белобрысый парень, у противоположной стены – еще двое раненых. Все спали. Комната слабо освещалась керосиновой лампой под темно-синим абажуром, окно было плотно зашторено. Противно пахло лекарствами, камфорой и мочой – обычными запахами больниц и госпиталей. За окном, судя по всему, стояла ночь.

К его кровати подошла та же пожилая медсестра, спросила, не хочет ли он чего. Макс, немного стеснясь, попросил утку. Металлическая посуда была тут же ему предоставлена. Макс подождал, пока сестра выйдет, и сделал свое дело. И без сил повалился на кровать – голова раскалывалась от боли. «Интересно, – подумал он, – есть ли у немцев анальгин или какое-нибудь другое обезболивающее средство? По идее, должно быть, но кто его знает. Надо бы завтра спросить...»

С этой мыслью он провалился в тяжелый, беспокойный сон. Снилось ему дочка – как они играли на даче в Брошках. Макс качал Машку на руках, а она весело смеялась и что-то ему рассказывала. Вот только что – он потом никак не мог вспомнить...

* * *

Проснулся Макс с дикой головной болью и шершавой сухостью во рту. Вдобавок его еще и тошнило – верный признак сотрясения мозга. Да, здорово его все-таки приложило... В палате было светло – шторы раздвинуты, в окне сияло яркое солнце. Из больничного сада доносилось веселое щебетанье птиц. Значит, пора вставать...

Некоторое время Макс лежал, закрыв глаза, пытаясь придумать, что же делать дальше. Понятно, что он каким-то образом провалился в прошлое и очутился на фронте. Причем с немецкой стороны. Но почему? Вопросов было больше, чем ответов.

И еще его очень интересно, почему его называют лейтенантом Штауфом. И тут внезапная догадка обожгла мозг. Точно, лейтенант Петер Штауф! Макс вспомнил все: и мальчишку у сельского магазина, и немецкий блиндаж, и часы. Так вот оно что!

Конечно, вчерашнее происшествие мало что объясняло, но хотя бы становилось понятно, откуда что взялось. Очевидно, это было как-то связано с погибшим немецким лейтенантом и его часами. А он, Максим Соколов, непонятным образом оказался в его теле.

В теле убитого семьдесят с лишним лет назад Петера Штауфа. Выходит, сейчас лето 1942 года и он находится в госпитале в Гжатске. Макс припомнил: во время войны в городе действительно располагался немецкий госпиталь, ему жена Маринка об этом рассказывала. А той говорил ее дед, Иван Белоусов.

Госпиталь находился на самой окраине Гжатска, в двухэтажном кирпичном особняке – кстати, неплохо сохранившимся до нашего времени. Маринка показала ему дом, когда они однажды проезжали мимо. Типичный купеческий особняк, вокруг – большой заросший сад, в котором немцы хоронили своих погибших и умерших от ран. После войны гитлеровское кладбище уничтожили, чтобы ничто не напоминало об оккупации, найти его теперь довольно трудно. В здании долгое время работал физкультурный диспансер, а потом его закрыли. Когда физкультура стала ненужной. Нынче она не в моде...

Нынче... Макс усмехнулся: странное это понятие – «нынче», если подумать. Что это такое для него? Настоящее, в котором он находится, или будущее, откуда провалился? И куда, возможно, никогда не вернется? Что же это такое – прошлое, настоящее или будущее? От этих мыслей голова заболела еще сильнее, и Макс решил отложить эти вопросы на потом. А пока имелись более насущные проблемы. Например, очень хотелось пить...

Он оглянулся – медсестры нигде не было видно, зато на соседней койке сидел молодой парень с забинтованным правым плечом и доброжелательно ему улыбался.

– Доброе утро, Петер! – произнес парень. – Как ты себя чувствуешь? Полегче стало?

Макс ничего не ответил. Лучше делать вид, что ничего не помнишь. Амнезия – очень полезная штука. Иногда.

– Не узнаешь? – огорчился парень. – Доктор Миллер мне сказал, что у тебя амнезия... Ладно, давай знакомиться заново: я лейтенант Генрих Ремер, командир первого взвода второй роты. Твой товарищ по службе, а сейчас – сосед по палате. Видишь, меня тоже зацепило...

И показал на свое плечо. Макс протянул руку:

– Лейтенант Штауф. Петер Штауф...

– Ну, ты даешь! – весело рассмеялся Генрих. – Я отлично помню, кто ты такой, у меня, слава богу, амнезии нет. Плечо только болит... Доктор Миллер вчера из него русскую пулю вырезал, мне на память оставил. Хочешь, покажу?

И, не дожидаясь ответа, полез в тумбочку, откуда достал длинную винтовочную пулю. Макс покачал ее на ладони:

– Тяжелая...

– Да, – усмехнулся Ремер, – стукнула меня так, что на пару метров назад отлетел. Хорошо еще, что кость не задета, а то бы пришлось всю руку резать. А так вроде должна скоро зажить... Когда буду в отпуске, обязательно покажу эту пулю матери и сестрам. Трофей!

Генрих весело рассмеялся, обнажив отличные белые зубы. Макс тоже улыбнулся и решил поддержать разговор – вдруг что-нибудь интересное узнает? Надо в первую очередь уточнить, какое сегодня число и какое положение на фронте...

– Я похвастался бы чем-нибудь, – сказал он с видимым сожалением, – но пока нечем...

– Да ты у нас герой! – горячо возразил Генрих. – Майор Хопман рассказал, что ты фельдфебеля Загеля спас...

– Майор, который у нас вчера был? – уточнил Макс.

– Да, он самый. Клаус Хопман, наш батальонный командир. Так вот, он говорил, что ты совершил подвиг. Что, впрочем, меня несколько не удивило – ты же у нас настоящий офицер, храбрый, твердый, уверенный в себе. Прекрасный командир и отличный товарищ. Твой взвод считается лучшим у нас в батальоне...

Макс отмахнулся – ты, наверное, преувеличиваешь!

– Нет, точно, – продолжил Генрих, – ты хороший взводный, и солдаты у тебя умелые, отважные. Жаль, погибли вчера многие...

– Кстати, а чем закончилась атака? – поинтересовался Макс. – Я же почти ничего не помню...

– Отбились кое-как, – вздохнул Генрих. – И слава богу, а то бы нас с тобой здесь не было. Валялись бы мертвыми где-нибудь в овраге или еще где-то... Еще бы минута, и русские нас смяли. До рукопашной дело дошло, а в этом они большие мастера, силы и умения им не занимать. Дрались, как черти! К счастью, обер-лейтенант Нейман со своими людьми подоспел...

Макс кивнул – помню этот момент. Перед глазами вновь возник здоровый красноармеец с безумными глазами и длинным штыком. Макс невольно поежился: да, правду говорят о войне – у нее неженское лицо. Скорее мужское – жестокое, страшное. И еще одна мысль пришла ему в голову – он убил человека! Вот ужас-то! Впрочем, немедленно нашлось и оправдание – другого выхода не было. Или ты, или тебя. Война, мать родна...

Генрих между тем все говорил:

– У нас тоже жарко было, но не так, как у тебя, потери – треть личного состава. Много раненых, они, кстати, здесь лежат, на первом этаже. Из твоего взвода тоже кое-кто... А нас с тобой сюда поместили – считается, что это офицерская палата, с особыми удобствами.

Он улыбнулся, Макс тоже – удобства явно особые: голые желтовато-зеленые стены, тощий полосатый матрас на скрипучей, продавленной сетке и серое белье. Хорошо, что форточка открыта – не так противно пахнет. Точнее, не воняет – запахами страданий и смерти...

Палата была рассчитана на четырех человек, но две соседние кровати в данный момент пустовали – очевидно, их хозяева пошли на перевязку или просто вышли покурить. Макс подумал: «Надо бы тоже поболтать с ними, вывести кое-что... Информация лишней никогда не бывает».

Он облизнул сухие губы – ужасно хотелось пить, а еще – курить. Генрих заметил, спросил:

– Хочешь попить?

Макс кивнул. Генрих слез с кровати, прямо в носках протопал к металлическому баку в коридоре, зачерпнул металлической кружкой воду, принес. Макс выпил до дна. Генрих сходил еще раз. Наконец Макс утолил жажду и почувствовал себя немного легче. Теперь бы еще покурить ...

Он точно знал, что у него (вернее, у Петера Штауфа) имеются сигареты – остались в брюках, но где они сейчас? И вообще – где все его вещи? Он лежал на кровати в одном нижнем белье. Придется, видимо, подождать, пока принесут форму. В самом деле, не может же офицер вермахта разгуливать по госпиталю в одних кальсонах? Неприлично как-то...

* * *

Через полчаса пришел доктор Миллер. Все такой же аккуратный, внимательный и строгий. Он осмотрел Макса и приступил к расспросам.

На большинство из них Макс отвечал одинаково – не помню. Упорно (и, кажется, успешно) имитировал амнезию. Доктор кивал – все правильно, диагноз подтверждается. Макс, в свою очередь, старался узнать для себя что-нибудь важное и полезное.

Из расспросов выяснялось, что его зовут Петер Штауф (он и так догадался), служил лейтенантом в 342-й дивизии вермахта, командует первым взводом в первом же батальоне 698-го пехотного полка. Дивизия входит в 46-й танковый корпус, который сейчас подчиняется 9-й армии генерал-полковника Моделя. На календаре – 15 июня 1942-го. Уже почти год, как идет русская кампания...

342-я пехотная дивизия занимает оборону недалеко от районного центра Карманово, под Гжатском, прикрывает правый фланг Ржевско-Вяземского выступа. За этот кусок Смоленской земли уже многие месяцы идет упорная борьба. Русские то наступают, то отходят, то пытаются взять 9-ю армию в клещи и разгромить по частям.

Пару раз прорывались клиньями в глубокий тыл, но каждый раз положение удавалось восстановить. Потери в германских частях были огромные, пополнение не успевало прибывать. В некоторых ротах осталось по пятьдесят-шестьдесят человек – вместо списочных ста восьмидесяти...

Большевики атаковали целыми армиями, с сотнями танков и самоходок, но германские дивизии, по словам Миллера, твердо держали удар, а иногда даже переходили в контрнаступление. После каждого такого боя его госпиталь под завязку заполнялся ранеными, на краю сада уже выросло целое немецкое кладбище. И постоянно пополнялось. Однако большие потери имелись и у Красной Армии...

Четыре месяца назад, в феврале и марте, бои были особенно тяжелыми. Большевики бросили в прорыв сразу три свои армии, да еще несколько танковых корпусов, ситуация накалилась. На некоторых участках фронта мясорубка была такой, что убитых (как с той, так и с другой стороны) не успевали хоронить, трупы лежали в несколько слоев. А весной, когда снег сошел, на полях невыносимо завоняло. И до сих пор пахнет так, что ближе чем на несколько километров к линии фронта не подойдешь...

Но несмотря на страшные потери Ржевский плацдарм еще оставался за вермахтом. Сейчас наступило временное затишье, уставшие за зиму и весну большевики тоже, похоже, отдыхали и набирались сил. Или готовились к новому наступлению. Иногда они предпринимали попытки прорвать оборону в том или ином месте, но эти атаки, как правило, ничем не заканчивались. Свидетелем одной из таких попыток и стал позавчера лейтенант Петер Штауф.

А сегодня сильно поредевшие немецкие батальоны приводили себя в порядок, отправляли в тыл раненых и ждали очередного пополнения. Но, по едкому замечанию доктора, вряд ли оно прибьет. Говорят, что на юге России, под Харьковом, началось новое грандиозное наступление и туда якобы кинули все имеющиеся силы. Так что придется отбиваться самим, с тем, что еще осталось...

Макс внимательно слушал и пытался понять, как ему вылезти из данной ситуации. Ясно было, что он влип по самое не балуй, но надо как-то и выбираться! И не сидеть же

сложив руки. Плыть по течению – не его жизненная позиция, он привык сам управлять своей судьбой.

Пока же, чтобы выиграть время, он успешно играл роль человека, потерявшего память. Переспрашивал, уточнял, старательно морщил лоб, пытаясь якобы что-то вспомнить. Старики Станиславский был бы им доволен... Миллер терпеливо объяснял, растолковывал, иногда его рассказ дополнял Генрих Ремер – теми подробностями, которые доктор знать не мог.

Макс скоро выяснил все, что Петер Штауф с отличием закончил пехотное училище в Потсдаме, прошел, как полагается, все армейские ступени – от фаненюнкера до оберфенриха. Лейтенанта получил всего год назад, на фронте. Считался в полку образцовым молодым офицером, даже ходил у начальства в любимчиках. Сослуживцы его ценили, солдаты уважали. В общем, карьерные перспективы были самые радужные. Вот только служить в вермахте Макс совсем не хотелось. В отличие от настоящего лейтенанта Штауфа...

Когда доктор завел речь о семье, то он снова старательно наморщил лоб – извините, доктор, ничего не помню. Миллер вздохнул и достал из кармана знакомый медальон. Макс открыл его: фотография была четкой, новой, очевидно, сделанной совсем недавно.

– Кто это? – спросил Миллер.

– Не знаю, – пожал плечами Макс.

– Это ваша жена Эльза и дочь Марта, – тихо произнес доктор.

Макс долго смотрел на фотографию, потом сказал:

– Извините, господин доктор, не могу вспомнить. Мелькает что-то такое в памяти, но что именно...

Миллер огорченно покачал головой:

– У вас серьезная потеря памяти, это плохо. Положение даже хуже, чем ожидалось. Ладно, отдохните, я решу, как вам помочь.

Вскоре дежурный санитар принес в палату завтрак – куски серого хлеба с маргарином, вареные яйца, эрзац-кофе в металлических кружках. Макс без всякого аппетита проглотил еду, выпил кофейный напиток (ужасная гадость, если правду сказать) и попытался встать, но не вышло – перед глазами все закружилось. Сделал еще попытку, и с помощью Генриха она удалась. Держась за стены, прошаркал к окну, сел на широкий, низкий подоконник, выглянул в сад.

Яблони подходили к самому дому, их ветви упирались в стены. Макс распахнул створки окна пошире, высунулся почти весь – подышать свежим воздухом. Он так и не смог привыкнуть к едкому запаху, стоявшему в госпитале...

Погода была отличная – тепло, ясно, солнечно. «Сейчас бы на речку Гжатку, – подумал Макс позагорать, покупаться, порыбачить на зорьке...» И даже зажмурился от такого удовольствия, но тут же грубо оборвал себя: «Не смей думать об этом! Расслабишься, раскиснешь и уже никогда отсюда не выберешься. Тогда конец...» К окну подошел Генрих, построился рядом.

– Хорошо-то как, прямо как у нас в Эрфурте, и зелени тоже много...

– Эрфурт – это на юго-западе Германии? – уточнил Макс. – В Тюрингии? Не зря их в школе мучили географией Германии!

– Точно, – кивнул Генрих, – на юге. Летом у нас очень хорошо – сады зеленые, улочки в цветах, над городом плывет колокольный звон – это в нашем кафедральном соборе к обедне звонят. Красотища!

– Да ты поэт, – усмехнулся Максим.

– Что ты, – отмахнулся Генрих, – какой там! Так, писал стишки в школе, но как только в военное училище поступил, так сразу и бросил. Ты же знаешь, там не до этого...

– А кем ты раньше был? – поинтересовался Макс. – Я имею в виду – до войны?

– Школяром, – пожал плечами Генрих, – больше никем побыть не успел. Хотел после окончания школы в университет поступать, на медицинский факультет, но потом передумал. Учиться на врача долго, целых пять лет, да еще ординатуру надо проходить. Несколько лет служить ассистентом у какого-нибудь врача. Конечно, дело это полезное и нужное, но... Не скоро тебе разрешат самому лечить! А свою практику займешь вообще не раньше чем лет через пятнадцать-двадцать, когда себя хорошо зарекомендуешь. А мне родных кормить надо...

Генрих залез в карман и достал небольшой кожаный бумажник. Вынул оттуда несколько фотографий, показал. На одной было целое немецкое семейство: статная, представительная фрау со строгим лицом и пятеро детей. Четыре девочки и один мальчик.

– Моя мама с сестренками, – сказал Генрих, – и я с ними. Дружная семья Ремеров...

– А отец? – спросил Макс.

– Умер, – вздохнул Генрих, – в тридцать восьмом. У него было тяжелое ранение в легкое, долго кровью харкал. Между прочим, тоже в России получил, правда, еще в ту, первую войну. Отец мне часто рассказывал, как сидел в сырых окопах, как с русскими дрался, а потом с ними же братался, когда они своего царя Николая скинули. А ранили его в пятнадцатом году. Русские тогда начали большое наступление, вот он и получил в грудь штыком. Долго валялся в госпиталях, лечился, думал, что комиссуют подчистую, но не вышло. Залатали кое-как и снова отправили на фронт – солдаты тогда очень нужны были. Пришлось ему почти до самого конца воевать, до восемнадцатого года. Но ничего, выжил, демобилизовался, вернулся домой, в Дюссельдорф. А там работы никакой не было, родные голодали, по продуктовым карточкам давали лишь брюкву да черный хлеб. В общем, подался он на юг, где теплее и сытнее. В Эрфурте устроился плотником на стройку, да там и остался. Освоился, работу хорошую нашел, встретил мою маму – она дочь пастора была. Женился, обзавелся своим хозяйством. Потом и мы родились, пятеро детей, один за другим. Хорошо жили, счастливо, хотя и небогато. Отец часто болел, ходил с трудом, иногда по два-три дня с постели встать не мог. Но все равно работал – на ветеранскую пенсию не проживешь. А четыре года назад, зимой, сильно простудился, заболел и умер. Я, собственно, поэтому и на медицинский факультет пойти хотел. Видел, как ему плохо, вот и подумал: выучусь на доктора, стану всех лечить. Но не вышло, пришлось пойти в военное училище...

Генрих грустно посмотрел в окно, а затем продолжил:

– После смерти отца надо было на что-то жить. Старшая сестра, Хельга, уже работала, но ей тяжело одной было. Вот и подался я в училище – во-первых, казенные харчи и одежда, а во-вторых, у офицеров хорошее жалованье. Я со своего оклада каждый месяц часть денег домой отсылаю, помогаю матери и сестрам. Так вот и оказался на фронте...

Макс понимающе кивнул – простая, типичная история. Судя по всему, Генрих неплохой парень, честный, трудолюбивый, жаль только, родился он не в то время.

– Я не жалею о своем выборе, – закончил рассказ Генрих. – Как видишь, уже лейтенант, может, и дальше пойду.

– Если нас не убьют здесь, – мрачно заметил Макс.

– Не убьют, – уверенно произнес Генрих, – за меня мама и сестры каждый день молятся. Вот смотри, что они мне пишут...

Следующие полчаса были посвящены чтению посланий от Ремеров. Генрих достал целую пачку ученических тетрадных листов и стал читать. Ему писали и мама, и сестры, он получал как минимум пять-шесть писем в месяц. Макс вежливо слушал и кивал – не хотелось огорчать такого хорошего, отзывчивого парня. Веселого, работающего, заботливого – короче, настоящего немца.

* * *

Вскоре вернулись с перевязки соседи по палате – крепкий, почти квадратный обер-фельдфебель и такой же, только чуть повыше и потолще, штабс-фельдфебель. Макс помотал на них и подумал: «Вас что, под копирку делают? Прямо как родные братья».

Юрген Хайн и Отто Бауэр оказались из его же полка, только из другой роты. Макс привычно сослался на амнезию – извините, ребята, но я вас не помню. Фельдфебели понимающе кивали – слышали о вашей беде, герр лейтенант, поэтому представились по полной форме.

Хайн и Бауэр попали в госпиталь после той же русской атаки – один с осколком в руку, другой – в ступню. К счастью, оба отделались легкими ранами, их быстренько зашили и через неделю обещали отправить обратно на передовую. Нечего валяться в госпитале, места нужны для новых пациентов. Война-то идет, у нее не бывает антрактов и перерывов...

В госпиталь постоянно кого-то подвозили – бои не прекращались ни на минуту, хотя интенсивность их за последнее время заметно снизилась. Русские ограничивались лишь небольшими вылазками и перестрелками. Все отдыхали и готовились к новым сражениям.

* * *

Максу в плате делать было совершенно нечего, поэтому он вышел в сад. Надев, разумеется, свою лейтенантскую форму, постиранную и даже аккуратно выглаженную. Ее принесла утром миловидная медсестра Бригитта, сменившая на дежурстве старую костлявую Герду. Девушка смущенно улыбнулась и, потупив глаза, сообщила, что она сама привела в порядок его китель и брюки. Неприлично герру лейтенанту ходить в таком грязном виде...

«Будешь тут грязным, – подумал Макс, – когда на дне траншеи поваляешься». Он вежливо поблагодарил сестру Бригитту и предложил ей деньги – за услугу. Бумажник, слава богу, нашелся тут же, в тумбочке. Как и часы.

Макс криво усмехнулся, когда взял их в руки. Часы были практически новыми и нисколько не облезлыми – в блестящем металлическом корпусе и с черным кожаным ремешком. На белом циферблате отчетливо виднелся орел с распростертыми крыльями, сжимающий в когтях фашистскую свастику. Они исправно тикали, отсчитывая время, стрелки двигались. Макс тяжело вздохнул, покрутил заводное колесико и надел на руку. Пришлись как раз впору, по запястью.

Бригитта от денег отказалась, сказала, что постирала вещи господина лейтенанта просто так, из уважения к доблестному германскому офицеру, а не ради заработка. Потом густо покраснела и убежала.

Генрих дружески толкнул Макса в бок: «Ты не деньги ей предлагай, а своди в офицерский клуб. Есть тут в городе, на главной улице. Вечерами бывает музыка, все танцуют. Можно посидеть с девушкой, выпить и закусить. Бригитта на тебя запала, это ясно, сделай ей приятное».

Макс поморщился – до того ли сейчас, война! Какие, на фиг, девушки... Генрих пожал плечами – а почему нет? Живем один раз, вот и надо ловить момент. Кто его знает, что там дальше будет...

Макс не мог не согласиться с его доводами – на войне действительно надо ценить каждое мгновение, особенно когда это связано с любовью... А Бригитта была вроде бы недурна – хорошая фигурка, миловидное личико, искренняя улыбка. Не сказать, чтоб такая красавица, но что-то в ней было...

«Черт, да я же женатый человек! – тут же вспомнил Макс. – Причем дважды!» Два времени, две семьи. Он еще раз открыл медальон и посмотрел на фотографию. Молодая,

симпатичная женщина и прелестная белокурая девочка. Действительно, очень похожа на его Машку. Теперь это сходство еще четче бросалось в глаза. Впрочем, многие маленькие дети похожи друг на друга...

Макс захлопнул крышку, убрал медальон на место. Проверил бумажник: почти две-сти рейхсмарок и какая-то мелочь. А также две фотографии. На одной – пожилые герр и фрау, видимо, родители Петера Штауфа. Интересно, что с ними? Надо бы узнать... На другой – молоденькая девушка в белой блузке с черным галстуком и в длинной темной юбке. Кажется, это форма Гитлерюгенда. Кто она? Сестра, просто знакомая? Вопросов становилось все больше.

Макс засунул бумажник в карман кителя и осторожно спустился по скрипучей деревянной лестнице вниз, на первый этаж. По госпиталю деловито сновали санитары, доставляя раненых, ходили выздоравливающие. Из операционной послышались громкие стоны – кажется, там кого-то резали. Макс поморщился и постарался побыстрее выйти на улицу.

Он спустился с крыльца, завернул за угол и оказался в прохладном, тенистом саду. На скамейке под старым толстым тополем курили несколько солдат. При его приближении они вскочили. Макс махнул рукой – сидите. И сам опустился рядом на шаткую лавочку. Но не успел он достать пачку сигарет, как к нему подлетел старый знакомый – фельдфебель Курт Загель. Он счастливо улыбался:

– Рад видеть вас в добром здравии, герр лейтенант!

– Спасибо, – кивнул Макс. – А как вы?

– Почти нормально! – расплылся Загель. – Голову перебинтовали, все в порядке. Здорово же мне тогда этот русский варвар врезал, чуть черепушку не прошиб! Но ничего, башка у меня крепкая, заживет.

Фельдфебель слегка прикоснулся к бинтам, видневшимся из-под серого кепи, поморщился и обратился к Максусу:

– Разрешите узнать, герр лейтенант, скоро ли вы к нам вернетесь? А то взвод без командира – что баба без мужа. В узде держать надо... Боюсь, без вас ребята совсем разболтаются, дисциплина упадет.

– Ничего, найдется кому в узде держать, – беспечно махнул рукой Максим. – Не мы же одни воюем...

Фельдфебель как-то странно посмотрел на него, и Макс понял, что сказал что-то не то. Сморозил явную глупость.

– В смысле, – быстро поправился он, – как только доктор Миллер позволит мне вернуться, так сразу. Но, боюсь, не скоро. У меня тяжелая контузия, да еще частичная амнезия...

– Вот оно как, – понимающе кивнул Загель. – Ну, лечитесь. Впрочем, доктор Миллер у себя людей держать не любит, говорит, нечего вам койки занимать, ваше место – на фронте. Война быстрее любого лекарства лечит. И то правда – чего на кровати валяться? Заштопали тебя, поставили на ноги – и вперед, к своим. Так ведь, господин лейтенант?

– Так, – согласился Макс, – к своим...

«Только где они, свои?» – с тоской подумал он, а потом сказал:

– Вы, Курт, пока за взводом следите, а то и правда – распустятся ребята. Я, когда смогу, вернусь. Постараюсь, конечно, побыстрее, но обещать ничего не стану. Вы пока командуйте, а я потом вернусь и все проверю!

Макс постарался придать своему лицу строгость и даже суровость, как и положено настоящему германскому командиру, Загелю это понравилось.

– Все, теперь вижу, что вы поправляетесь! – произнес он. – Не волнуйтесь, герр лейтенант, я за ними прослежу. Правильно вы говорите, солдатам поблажки давать нельзя, а то боевой дух упадет. Уж я их!

Загель стал что-то говорить по поводу службы, Макс кивал и даже отвечал, стараясь, правда, не вдаваться в подробности. Он думал, как бы быстрее отделаться от слишком усердного фельдфебеля. Конечно, чтобы не вызвать подозрений. Он пока плохо ориентировался в реалиях армейской службы, тем более немецкой, точнее, практически ничего не знал... Только бы снова не лопухнуться!

К счастью, вскоре подошла сестра Бригитта:

– Господин лейтенант, вас ждет доктор Миллер, в кабинете.

Макс тут же затушил сигарету и простился с Загелем.

– Надеюсь, скоро увидимся, – кивнул он. – А пока держите ребят в узде. Никому и никакой поблажки!

Курт вытянулся во фрунт, и Макс со спокойной душой пошел за сестрой Бригиттой в здание. Кажется, ему удалось неплохо сыграть свою роль... Петер Штауф, оказывается, был большим любителем дисциплины, надо это учесть. Ну да, ведь Генрих сказал: лейтенант Штауф – образцовый германский офицер. Придется поддерживать имидж...

* * *

Доктор Миллер принял его в своем кабинете – маленьком закутке на втором этаже. Все свободные комнаты в госпитале приспособили под палаты, даже коридоры, подвал и чердак. Доктор показал на шаткий стул у стола, а сам стал просматривать какие-то бумаги. Наконец произнес:

– У вас, лейтенант Штауф, серьезная амнезия, я считаю, что вам полезно побывать дома. В семье, среди родных и близких, вы быстрее поправитесь. Ваша потеря памяти, судя по всему, носит временный характер, причин для беспокойства нет, однако... Я уже поговорил с майором Хопманом, и тот согласился предоставить вам три недели отпуска по ранению. Полежите пока пару дней у меня, а потом, когда документы будут готовы, в Берлин. Полагаю, этого времени вам хватит, чтобы полностью восстановиться.

Макс молчал, не зная что ответить, и вообще – радоваться или печалиться. С одной стороны, ему давался шанс удрать с фронта (пусть и на время) и забыть о войне, но с другой – впереди была встреча с семьей Петера Штауфа, о которой он тоже ничего не знает.

Миллер истолковал его молчание по-своему:

– Понимаю, что вам не терпится вернуться на передовую, к своим солдатам. Знаю, что вы ответственный и храбрый офицер, так и рветесь в бой... Но все же настаиваю на отпуске. Поверьте, это лучше для вас. Контузия – весьма коварная штука, могут быть самые неожиданные последствия, в том числе связанные с головой...

Миллер многозначительно постучал себя по лбу.

– Полагаете, что я могу свихнуться? – чуть не подпрыгнул от удивления Максим.

– Нет, что вы! – протестующе замахал руками Миллер. – Вы абсолютно нормальный человек, вам ничто не угрожает. Но лучше все же подстраховаться. Провалы в памяти у вас имеются, это факт. И весьма печальный. Пребывание же в домашней обстановке позволит вам быстрее реабилитироваться и вспомнить все, что надо. Да и разве вам самому, лейтенант Штауф, не хочется побывать дома, увидеть своих родных – жену, дочку, родителей?

– Конечно, хочется, – соврал Макс, – но обстановка на фронте сейчас такая... Я не имею права оставлять своих солдат, причем в этот тяжелый, ответственный момент!

– Бросьте, – слегка улыбнулся Миллер, – вы же не на всю жизнь уезжаете! Побудете немного в Берлине и вернетесь. У нас, слава богу, пока достаточно офицеров, чтобы временно заменить вас, так что я могу с чистой совестью отправить вас на лечение. Русская кампания вряд ли скоро закончится, навоюетесь еще. Мы, думаю, застряли здесь надолго, еще на год – как минимум...

«На два с половиной, – поправил доктора (разумеется, про себя) Максим, – только в конце 1944 года территория Советского Союза будет полностью освобождена от фашистов, а затем война придет в Польшу и в Германию. Да и в другие страны тоже...»

Он неплохо знал историю, всегда с удовольствием учил в школе и, конечно, помнил все основные даты и моменты. Но до Победы еще дожить надо было... И желательно носить к тому времени форму лейтенанта Красной Армии, а не вермахта. А вообще – вернуться домой, в свое время, и навсегда забыть об этом кошмаре. И больше никогда не лазить ни по каким блиндажам и никакие немецкие часы не покупать...

– Спасибо, доктор, – вежливо поблагодарил Макс, – я действительно очень соскучился по своим родным. Особенно по жене и дочке...

– Вот и отлично, – кивнул Миллер, – поезжайте. Уверен, вы меня потом благодарить станете. Всегда слушайте своего доктора, он вам плохого не посоветует.

«Где-то я уже слышал это, – подумал Макс, – по-моему, в нашей же районной поликлинике. Похоже, у всех врачей одни и те же присказки». Он еще раз сердечно поблагодарил Миллера и вернулся в свою палату. Лег на скрипучую кровать и решил подремать до обеда – голова страшно болела.

«Черт, совсем забыл про анальгин, – запоздало подумал он, – впрочем, наверняка его еще не изобрели. Но какие-то таблетки у них должны быть, так ведь? Лечат же они чем-то своих больных!»

Глава 3

Лежать в госпитале было скучно, тем более что на дворе стояло лето. Да и никакого лечения, собственно говоря, особого не было – не считая ежедневных визитов доктора Миллера. Но они проходили рано утром, а потом Макс был предоставлен сам себе.

Ему надоело валяться в душевной палате, и он стал проводить большую часть времени в саду, среди новых знакомых. Во-первых, веселее, а во-вторых, полезнее – можно узнать что-то новое и важное. При этом Макс старался прилежно играть роль лейтенанта Петера Штауфа, – простого парня, хорошего товарища и отличного офицера.

Он скоро понял, что среди его сослуживцев эта военная кампания особой популярностью не пользуется. Многие солдаты и даже офицеры скептически относились к заявлениям доктора Геббельса о скорой победе над большевиками и недоверчиво хмыкали, когда какой-нибудь хмырь начинал с пеной у рта доказывать, что к зиме русские будут окончательно разбиты и доблестные немецкие дивизии войдут в Москву. «Как же, входили уже, – ворчали старые вояки, – почти у самых кремлевских стен стояли. А потом быстренько назад побежали – когда русские по нам ударили. И больше ходить что-то не хочется...»

Опытных солдат в вермахте называли «старые зайцы». Но не потому, что те были трусливы – нет, в этом прозвище не было ни малейшего намека на оскорбление. Наоборот, была дань уважения их умению выживать и сражаться в любой ситуации. Эти солдаты хорошо знали все трюки и хитрости противника, могли обороняться и наступать в любых условиях. Разумная осторожность и осмотрительность ценились на фронте гораздо выше, чем безумная храбрость и слепая отвага. Хороший солдат – живой солдат, мертвые драться не в состоянии...

Трусов, конечно, не любили, при первой возможности от них избавлялись – сплавляли куда-нибудь подальше в тыл, чтобы своим страхом и истерией они не заражали остальных, а вот твердость и стойкость, присущие старым, опытным солдатам, ценились очень высоко.

«Старые зайцы» часто ругали фюрера – но, разумеется, вполголоса и только среди своих. В основном они были недовольны тем, что Гитлер не угадал со сроками Восточной кампании. Думали, что все закончится быстро, за несколько месяцев, а застряли в России до самых холодов. И пришлось им на своей шкуре испытать все прелести суровой зимы.

Грозный «генерал Мороз» для многих стал опаснее, чем танки и пушки. Но долг был превыше всего, и они продолжали сражаться, служить своему фюреру и Германии. «Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt...» Германия превыше всего...

Старшие офицеры вермахта, как заметил Макс, чаще всего происходили из семей потомственных военных, нередко с приставкой «фон» перед фамилией. Белая кость, элита, соль земли прусской. Прекрасно образованные и великолепно обученные, они являлись основой германской армии, ее опорой и стержнем. С подчиненными держались просто, товарищески, с младшими по званию – по-дружески, но, разумеется, никакого панибратства не допускали.

Младшие командиры происходили из семей попроще, как говорится, родом из народа. Тот же Генрих Ремер, например. Отец – обычный плотник, мать – дочь пастора, домохозяйка, сам поступил в пехотное училище не по призванию или семейной традиции, а по обстоятельствам. А солдаты были вообще из самых обычных семей – и крестьян, и тех же рабочих...

А вот кого в армии действительно не любили, так это эсэсовцев. Если какой-нибудь «черный чин» случайно появлялся в курилке (дивизия СС «Дас Райх» тоже принимала участие в боях на Ржевском выступе), разговоры разом смолкали и офицеры старались незаметно исчезнуть.

– Не люблю я этих парней, – морщился при их виде Генрих, – высокомерные, наглые. Нет, конечно, отличные вояки, храбрые, умелые, прекрасно вооруженные, но... Одно дело – драться с противником, и совсем другое – воевать против мирных жителей. А тем более проводить среди них карательные операции...

Макс кивнул – кто бы спорил. Им еще в школе рассказывали про зверства фашистов на оккупированных территориях. Палачи, изверги... Однако свои чувства Макс старался держать при себе – чтобы не ляпнуть чего лишнего, не выдать себя. По большей части он вообще молчал и только слушал.

Он очень сошелся с Генрихом, стал проводить с ним почти все свободное время. Тот рассказывал о своей семье, жизни в Германии, об учебе в школе. Макс мотал на ус – могло пригодиться. Тем более что все это было для него вновь...

Разговоры с Генрихом очень скрашивали серые больничные будни и помогали убивать время. Ведь лежать в госпитале – такая скукота! Действительно, сам запросишься на фронт...

* * *

На третий день пребывания Макс решил побриться – щетина стала уже неприличной. Он провел ревизию личных вещей и нашел бритвенный прибор – картонный пенал с острым лезвием, алюминиевый стаканчик для пены и кисточку-помазок.

И слегка впал в ступор. В той, другой, жизни он пользовался только электробритвой, с самой ранней юности, когда над верхней губой впервые появился пушок. А тут... Конечно, он теоретически знал, как этим пользоваться и даже видел в реале. Но одно дело – наблюдать со стороны, и совсем другое – попробовать самому. Услужливая память тут же показала картинку – вот бреется дядя Миша... Тот признавал лишь опасное лезвие – острейший немецкий «золинген».

Немецкая бритва досталась дяде от отца, Максима Петровича, деда Макса. Тот привез ее с войны в качестве трофея. Вместе с дорогим аккордеоном, красными бархатными занавесками и иголками для швейной машинки «Зингер» – большим тогда дефицитом. Занавески тут же пошли на парадное платье для бабушки, иголки обменяли на Тишинке на хлеб и маргарин, а аккордеон стал любимым развлечением самого Максима Петровича.

Он играл на нем на всех праздниках, свадьбах и семейных торжествах, никому не отказывал, всегда с удовольствием исполнял любимые народные песни и мелодии. Но после его смерти, в смутные постперестроечные годы, аккордеон пришлось продать – жить стало не на что. Тем более что никто из детей и внуков играть на нем так и не научился...

А немецкая бритва сохранилась. Дед попользовался ею несколько лет, а затем подарил своему старшему сыну, Мишке. Тому как раз пришло время бриться. Дядя Миша до конца жизни предпочитал немецкую опаску всем электробритвам, презрительно называя последние «жужжалками».

– Машинкой разве хорошо побреешься? – иронически спрашивал он, проводя острейший золингенской сталью по намыленной щеке. – Ерунда это, баловство. Чтобы лицо было по-настоящему чистым, нужно настоящее лезвие, опасное. И лучше всего – немецкое, оно острее. Хотя и наши вроде бы тоже ничего...

Макс мысленно видел: вот дядя Миша разводит толстым, щетинистым помазком пену в металлическом стаканчике, вот обильно наносит ее на лицо, берет в правую руку опаску и начинает медленно, осторожно водить ее по щекам и по шее, одновременно натягивая кожу на лице пальцами левой руки. Эта процедура занимала у него не менее пятнадцати минут, и дядька ее строго соблюдал. И никогда не выходил к завтраку плохо выбритым.

После окончания процедуры слегка смачивал кожу одеколоном, как правило, дорогим «Шипром». Макс до сих пор помнил его чуть резковатый, но приятный запах.

Мама смеялась над дядей: «Ты просто жених, любишь пофорсить». На что тот строго ей отвечал: «Настоящий советский офицер должен выглядеть молодцевато и хорошо пахнуть. Чтобы женщинам нравиться. И утреннее бритье для этого – самое оно. Во-первых, чистоту и опрятность лицу придает, во-вторых, бодрит, а в-третьих, приятный запах остается. Да и твердость руки развивает, точность движений...»

Дядя Миша был настоящим советским офицером. Рано пошел служить, в семнадцать лет поступив в военное училище. Выучился на лейтенанта-связиста, долго мотался по дальним гарнизонам. Семей так и не обзавелся – не каждая женщина согласится жить в деревянном бараке на самом краю земли. Но он по этому поводу не печалился и говорил, что у него и так есть семья – любимый младший брат с женой и племянником, Максимкой.

Так и промотался дядька тридцать лет по казармам и казенным квартирам, а в начале девяностых, когда его окончательно турнули из армии, сильно затосковал и запил. А потом и умер. Не принял он новой российской реальности, не вписался в рыночную экономику. Золингеновская бритва досталась Макс, но он ею никогда не пользовался – предпочитал удобные электробритвы, желательно – импортные. И теперь бритва была на квартире матери...

Макс задумчиво потер физиономию и решил все-таки начать бритье. Нехитрое дело, освоится как-нибудь. Тем более что другого выхода все равно не было: образцовый немецкий офицер не может ходить с трехдневной щетиной на лице. Макс налил в алюминиевый стаканчик немного теплой воды, аккуратно развел мыло, нанес пену на щеки. Ну, что же, остороженько...

Провел пару раз лезвием по левой щеке и, разумеется, порезался – выступила кровь. Вот черт! Так, еще разочек... После третьего пореза он в сердцах отшвырнул бритву – что за мучение! И как только ею пользуются? Но потом взял себя в руки и героически довел дело до конца. Офицер он или нет, в конце концов? Качество бритья, правда, оставляло желать много лучшего – там и сям виднелись тонкие порезы. Ладно, для первого раза сойдет...

Кстати, когда он впервые увидел свое лицо в маленьком круглом зеркальце, то слегка опешил. Что это за небритая морда? Потом усмехнулся – это его же! Точнее, Петера Штауфа. Морда в общем и целом оказалась очень даже ничего – красивая, мужественная, с волевым подбородком. Могло быть гораздо хуже...

Ему вообще крупно повезло с внешностью: она у лейтенанта Штауфа оказалась вполне пристойной – светлые волосы, голубые глаза, высокая, стройная фигура. Настоящий ариец, мать его....

Вернувшись в палату, Макс пояснил Генриху по поводу порезов – рука, мол, дрожала, вот и результат. Проклятая контузия! Тот понимающе кивнул и посоветовал обратиться к армейскому брадобрею – имелся в госпитале, как раз для подобных случаев. И брал за услуги недорого – всего полмарки. Макс с удовольствием воспользовался его советом. На следующий день он выглядел просто замечательно – лицо сияло, как начищенный медный таз, а щеки светились свежесбритой синевой. Красота!

* * *

К трудностям армейского быта Макс привык довольно легко. Умываться холодной водой? Без проблем. Чистить зубы порошком вместо привычной пасты? Пожалуйста! Пользоваться жесткой немецкой газетой вместо мягкой туалетной бумаги? Легко. Вот что значит провести полтора месяца на военных сборах! Правда, тогда у него была с собой хорошая электробритва...

А вот что весьма напрягало – так это отсутствие информации. О том, что делается на фронте, приходилось судить лишь по слухам да сообщениям «солдатского телеграфа». Ни телевидения, ни Интернета. Газеты и журналы имелись, но приходили с большим запозданием, регулярно поступала лишь партийная «Фелькишен беобахтер». Макс однажды пробежал ее наискосок и решил, что она годится лишь для одной цели – для сортира. Где ею в основном и пользовались...

Радио в госпитале отсутствовало, зато пару раз привозили кинохронику, крутили после ужина в столовой. Но разве можно было верить геббелевской пропаганде? Многие его сослуживцы весьма иронически относились к тому, что говорили с экрана. «Очередная крупная победа германского оружия... героическое наступление победоносных частей вермахта... несгибаемая воля немецких солдат... исключительный героизм и стойкость... полный разгром большевиков... тысячи пленных, сотни единиц уничтоженной военной техники...», – радостно вещал диктор. И, разумеется, ни слова о потерях.

Текст сопровождался мелькавшими кадрами: вот немецкие солдаты идут по Украине, полыхают неубранные пшеничные поля и деревенские дома, чернеют в поле разбитые тракторы... И тянутся по пыльным дорогам серые, нескончаемые колонны пленных. Бои на Украине были тяжелые, кровопролитные, а впереди уже виднелся Сталинград...

И неизбежный, страшный разгром 6-й армии генерала Паулюса. Но рассказать об этом кому-то (хотя бы тому же Генриху Ремеру) Макс, разумеется, не мог. Да и не хотел. Зачем? Пусть все идет так, как идет...

Генрих хмыкал, когда диктор называл число разгромленных русских дивизий и количество подбитых танков: «Если верить доктору Геббельсу, то мы дано полностью уничтожили всю Красную Армию. Причем как минимум три раза. Поголовно, вместе с тыловиками и ополченцами. Но русские по-прежнему держатся и, похоже, капитулировать не собираются. Да и техники у них много новой появилось, тех же Т-34...»

О русских танках Генрих отзывался с уважением и даже со страхом. «Их ничто не берет, никакие противотанковые орудия, – говорил он, – одни 88-миллиметровые зенитки, наши «ахт-ахт». Но где их взять в нужном количестве? И кто даст их обычной пехотной роте? Хорошо, если пара штук в полку найдется, отобьемся, а если нет? Все, считай, конец. Гранатами да «колотушками» Т-34 не остановить...»

Того же мнения придерживались и другие сослуживцы Ремера. Оберфельдфебель Юрген Хайн, в частности, говорил:

– Сижу я как-то в окопе, а на меня русский танк прет. А у нас в роте – одни «колотушки», сами знаете, совершенно против него бесполезные. Долбанешь из них по Т-34, а ему – хоть бы хны, ни дырки, ни вмятины. Словно деревянным молотком по двери стучишь, звук есть, а толку – никакого. Думал я тогда – все, сейчас меня гусеницами в пыль разотрут. Хорошо, наши пантеры успели подойти, отбились, а то бы...

«Колотушками» немцы называли 37-мм противотанковые орудия, действительно, довольно слабые против грозных «тридцатьчетверок». Сослуживцы Макса часто рассказывали о своих военных подвигах, и особенно – о минувшей зимней кампании. Штабс-фельдфебель Отто Бауэр, например, очень гордился тем, что смог разглядеть в полевой бинокль звезды на кремлевских башнях. Он стоял на самых подступах к Москве, на Волоколамском шоссе, где, собственно, и закончилось его наступление – попал после сильного обморожения в госпиталь.

– «Генерал Мороз» убил больше наших солдат, чем русские, – уверенно говорил он. – Когда на градуснике минус тридцать пять, а на тебе – лишь одна летняя шинелишка без подкладки да тонкие штаны, какая к черту служба? Не сдохнуть бы! А сапоги, сами знаете, с картонными подметками, отлетают за пару дней. На морозе же ноги – главное. Если снег случайно попадет в сапог или намочил ступни – все, считай, на следующее утро у тебя их

уже нет. Просушиться, по сути, негде. В окопе огонь не разведешь – русские сразу замечают и стрельбу начинают, вот и сидишь, дрожишь, как заячий хвостик...

– Как же вы грелись? – поинтересовался Макс.

– Газетами сапоги набивали, – усмехнулся штабс-фельдфебель, – зимой – это первое дело. К счастью, «Фелькишен беобахтер» нам всегда привозили. Вот и шла на утепление... Еще некоторые снимали с пленных русских валенки и теплые носки. Конечно, это не по уставу, даже мародерство, но жить-то хочется! Вот и спасались, кто как мог. А русские валенки – самая лучшая зимняя обувь в мире, в любой мороз в них тепло.

Оберфельдфебель Юрген Хайн кивал и добавлял:

– Еще вши нас страшно заедали, спаса никакого не было. Слава богу, переняли у русских один способ – жаровню устраивали. Берешь железную бочку, ставишь на огонь, наливаешь на дно немного воды, а сверху закрываешь плотной крышкой. Внутри – деревянные полочки, на которые кладешь нижнее белье. И прожариваешь вместе со вшами. Да тщательно! А иначе никак не избавиться. Иногда мы баню русскую делали, парились, мылись. Но это когда совсем спокойно было, а во время боев, сами знаете, не помоешься и не прогреешься. Так и ходили по несколько недель – грязные, вонючие, завшивевшие. Самим было противно!

Слово «баня» Юрген Хайн, кстати, произносил по-русски и довольно засмеялся – вот как выучил чужой язык! «Интересно, – подумал Макс, – а я могу говорить по-русски, не исчезло ли знание родного языка? Надо бы проверить...»

– Мне за ту зиму «мороженое мясо» дали, – гордо и в то же время иронично произнес Хайн.

– Что? – не понял Макс.

– Медаль «За зимнюю кампанию на Востоке», – пояснил оберфельдфебель, – вот...

И показал на небольшой кругляш у себя на груди. Темно-красная лента с черно-белой полоской была небрежно продета через петлицу серо-зеленого кителя.

– Мы ее «мороженым мясом» потому называем, что лента по цвету очень похожа на замороженную говядину, – пояснил Юрген. – Или свинину... Хотя, говорят, красный цвет обозначает кровь, которую мы пролили на полях сражений...

Макс с интересом разглядел медаль. Эх, Костика бы сюда, вот он бы таким трофеем обрадовался...

– Эти две белые полосы, – продолжил объяснение оберфельдфебель, – символизируют русский снег под Москвой, а черная между ними – скорбь по нашим павшим товарищам.

– «Мороженым мясом» мы еще потому зовем, – перебил его Юрген Бауэр, – что ее давали за отмороженные задницы. И другие части тела...

И довольно захохотал. Смех подхватили и прочие участники разговора – все, кто находился в курилке. Макс снисходительно улыбнулся – пусть шутят... Он понимал: солдаты стараются скрыть за смехом свой страх, никому не хочется умирать в далекой России, каждый мечтает вернуться в свой дом. Живым и желательно – одним куском.

«Только не у всех это получится, – подумал Макс, – война еще долго продлится...»

* * *

Густой утренний туман заполнял траншеи. «Черт, ничего не видно, – выругался про себя Макс, – как сквозь парное молоко идешь».

Он чуть было не налетел на своего караульного – Йозефа Ранке, укрывшегося от сырости под серой плащ-палаткой. Ефрейтора била мелкая дрожь – несмотря на лето по утрам было довольно холодно. Река Гжатка протекала близко, и от нее напалзл клочковатый, липкий, противный туман, из-за которого нельзя было ничего разобрать далее двух-трех шагов.

Макс обходил свои позиции. Сегодня ожидалась очередная атака, и надо было к ней подготовиться. Главной его заботой были пулеметы – чтобы работали как часы. Иначе не отбиться...

Во взводе их было четыре – два легких и два тяжелых, на треногах. Собственно говоря, только благодаря им удавалось удерживать эти позиции. Десятизарядный немецкий карабин – конечно, вещь хорошая (хотя против «калаша» не тянет, решил Макс), но пулемет лучше. Безотказная немецкая машинка выкашивала наступающих, как траву. Целыми рядами...

Макс невесело усмехнулся: надо же, называет русских солдат «противником». И сражается, по сути, против своих дедов-прадедов. Причем хорошо сражается, грамотно, деловито, как и положено образцовому немецкому офицеру. Макс плотно втянулся в армейскую службу и старательно тянул лямку. Что было для него довольно странно. Он – и вдруг армия? Несовместимые понятия. Он избегал военной службы и вообще всего армейского. Но вот пришлось же. Как говорится, зарекалась ворона...

Если бы кто-нибудь сказал, что он будет носить лейтенантскую форму, да еще немецкую... Ни за что бы не поверил! Но факт остается фактом – он в армии, да еще в вермахте. И никуда от этого не деться. Приходится служить, причем старательно. Как заметил оберфельдфебель Хайн, война – лучший в мире учитель, быстро всему учишься. Наказание за ошибки одно – смерть.

А быть убитым в планы Макса не входило. В душе он очень надеялся вернуться. И навсегда забыть о военном кошмаре! Какого черта он купил эти проклятые часы? Каждое утро, заводя их, Макс ругался про себя: если бы не эта глупость, ничего бы не случилось. Жил бы сейчас счастливо, рыбачил, загорал, купался, ждал Маринку с Машкой...

Интересно, как они там? Наверняка Маринка сильно удивится, когда вернется и не застанет его дома. Начнет обзванивать друзей, знакомых, расспрашивать всех... Может, полицию на ноги поднимет. Будет искать...

А он в это время находится всего в нескольких километрах от нее, по другую сторону Гжатки. Только на семьдесят с лишним лет до того, в 1942 году. И никакой знак не подашь, не скажешь, что живой и здоровый. Оставалось одно – надеяться. Надеяться и ждать.

Отпуск по ранению Макс так и не получил – ситуация на фронте резко обострилась, русские пошли в очередное наступление. Всех, кто мог держать оружие, погнали на передовую. Прежде всего – офицеров, так как за последние месяцы убыль среди них образовалась весьма значительная. А пополнение почти не поступало...

Так Макс и оказался вновь в «родном» взводе. К месту службы вернулись все его знакомые – Генрих Ремер, Юрген Хайн, Отто Бауэр. Тоже служили рядом с ним, в соседних ротах. Макс иногда навещал их, когда выпадала недолгая минутка затишья.

Фельдфебель Курт Загель очень обрадовался ему: наконец-то прибыл любимый командир! Так и засиял от счастья и начал всем повторять: «Вот погодите, герр лейтенант наведет порядок, научит вас, как родину любить!»

К ним, к счастью, все же пришло небольшое пополнение, но какое... Молодые, необстрелянные ребята, только что из пехотных школ. Конечно, за шесть месяцев их кое-чему научили: оружие они знали, стрелять умели, даже гранаты неплохо метали, но одно дело – учебка, и совсем другое – реальная война. После первых же обстрелов большинство, по образному выражению Загеля, наделало в штаны. Испугались, растерялись, долго не могли прийти в себя и взять в руки оружие. А за обстрелами следовали русские атаки, и надо было их как-то отбивать...

Противник наступал, как правило, рано утром, по одной и той же схеме: сначала мощный артобстрел, потом сама атака. Красноармейцы незаметно подбирались к окопам и разом, по команде, вскакивали и бросались в бой. Почти не пригибаясь, с громким «ура». И их

срезали длинными пулеметными очередями и залпами из карабинов. Вносили свою лепту и минометчики с артиллеристами – основательно перепаживали поле боя. Потом оно все было усеяно трупами, и долго еще слышались крики раненых и тяжелые стоны умирающих... Но никто им не помогал.

Максу иногда хотелось крикнуть наступающим красноармейцам: «Кто же так в атаку идет?» Надо же короткими перебежками, пригибаясь, используя рельеф местности и естественные укрытия. Как учили на военных сборах. А лучше – подобраться ночью, в темноте, и ударить внезапно. Молча, без шума... Вырезать караульных, закидать гранатами пулеметные гнезда, захватить блиндажи. Вот как надо воевать!

Вот сейчас, например, идеальные условия для атаки. Туман местами такой, что даже протянутой руки не видно. Почему бы не ударить? Он бы сам именно так и поступил. На месте красных командиров, конечно...

Поэтому, кстати, он и вышел проверить позиции – не спят ли караульные, не слышно ли где подозрительно шума? А то действительно – нагрянут, закидают гранатами. Перебьют всех, и его в том числе. А погибать очень не хочется, особенно за Третий рейх.

Макс вздохнул и пошел на левый фланг, смотреть новобранцев. Не дай бог, уснут. Что-то больно тихо у них там, осветительные ракеты давно не взлетают. Хотя в тумане и пользы от них почти никакой, но хоть создают видимость бдительности. Как говорили «старые зайцы», солдат на войне должен спать одним глазом. А вторым – бдить...

Глава 4

Бой начался в восемь утра. Макс как раз успел позавтракать (опять дрянной эрзац-кофе и надоевшие бутерброды с маргарином), побриться (уже прилично и без чьей-либо помощи) и выслушать доклад Курта Загеля.

Фельдфебель доложил, что за ночь ничего существенного не произошло: русские спали, как медведи в берлогах, даже обычных тревожащих обстрелов не было. Видимо, тоже устали после многодневных боев и решили отдохнуть.

Макс усмехнулся: вряд ли это похоже на отдых, скорее – на скрытую подготовку к наступлению. Условия для этого уж очень хорошие: в немецких ротах – значительные потери, опытных солдат почти не осталось, а новобранцы – еще не обстрелянные. И русские не могут об этом не знать...

Долгие и упорные бои не прошли для вермахта даром – личный состав растаял, как снег. У людей накопилась усталость, появились безразличие, апатия, вялость. Из-за потерь служить приходилось фактически за двоих... Причем убыль возникала не только из-за боев, но и из-за обычных болезней, и особенно дизентерии. Воду для питья приходилось брать в болотистой речушке, и, как ее ни кипятить, но все равно какая-нибудь зараза да оставалась. Вот и не вылезали доблестные солдаты Рейха из нужников.

В наиболее сложных случаях приходится отправлять таких «засранцев» (по точному выражению Загеля) в госпиталь. Настроение у всех было хуже некуда, эмоции – почти на нуле, а тут еще промозглые туманы и муторные дожди. Все промокло – одежда, одеяло, плащ-палатка. Как ни сушишь, а все равно в мокром как следует не выспишься. Да еще ожидание наступления...

Очень выматывало, действовало на нервы, некоторые срывались и начинали беспорядочно палить в сторону противника, тот открывал ответный огонь. Кончалось все это новыми убитыми и ранеными, и это еще больше осложняло ситуацию...

Поэтому, когда началась русская атака, Макс даже обрадовался – наконец кончилась неопределенность, можно действовать. Ждать и догонять – хуже некуда, это все знают.

Как положено, сначала был мощный артобстрел, затем в дело вступили знаменитые «сталинские органы». Так немецкие солдаты называли русские «катюши». Действительно, заунывное, протяжное вытье очень напоминало звуки музыкального инструмента. Макс, кстати, однажды слышал, как играют на настоящем органе, когда их водили в кирху. Было это в Берлине, в восьмом классе, во время его первой поездки в Германию.

Тогда его и других ребят отправили на неделю в столицу Германии, в туристическую поездку. Макс впервые оказался за границей, да еще в Берлине, о котором им все уши прожужжала их училка Гертруда Карловна. Натуральная, между прочим, немка, дочка бывшего гдээрковского партийного функционера.

Ее отец еще во время войны перешел на сторону Красной Армии, добровольно сдался в плен под Москвой. Сказал, что является убежденным коммунистом, ярым противником Гитлера и не хочет воевать против русских товарищей. Карл Виллер активно участвовал в работе антифашистского комитета, а после войны стал одним из партаппаратчиков в новой Германии.

Еще в СССР он женился на русской девушке Татьяне, и его семья долго и счастливо жила в ГДР. Но потом что-то у них не заладилось, жена с дочкой вернулись домой. Но связь со своим бывшим мужем не потеряла, регулярно бывала в Дрездене, привозила хрустальные люстры и крайне модные тогда джинсы. Которые и продавала с большой выгодой своим друзьям и знакомым. На эти деньги, собственно говоря, семья и жила в СССР.

Гертруда, естественно, немецкий язык знала в совершенстве. После окончания пединститута пошла работать учительницей и стала успешно делать карьеру. В двадцать пять лет была уже завучем, и все пророчили ее в директоры. Но потом Гертруде сильно не повезло – мама попала на спекуляции (сдал кто-то из своих), разразился скандал, слухи, естественно, дошли до учебного заведения. И ей пришлось уволиться...

Гертруда Карловна проработала несколько лет в районной библиотеке, пока все не стихло, а потом вернулась в школу. Но обычной учительницей... Долгие годы она упорно тянула педагогическую лямку и была страшно обижена на всех и вся, и особенно – на своих бывших учеников, многие из которых в постперестроечные времена смогли неплохо «подняться». Одни уехали за границу и устроились в хорошие фирмы, другие организовали свое дело и разбогатели... И все забыли о своей бывшей учительнице и никак ей не помогали. Гертруда Карловна вела весьма скромный образ жизни, существовала, по сути, на один оклад. А ведь она столько сил и таланта в них вложила, столько им дала!

К счастью, не все оказались такими неблагодарными, одна бывшая ученица помогла Гертруде Карловне попасть в престижную спецшколу. И та сразу ожила, воспряла духом. Стала вывозить учеников в Германию (тех, разумеется, кто смог оплатить поездку), организовала занятия в летнем языковом лагере, в общем, занялась педагогическим бизнесом. И уже на бедность не жаловалась. Благодаря ей многие ребята из спецшколы Макса (и он сам) попали в Германию и смогли напрактиковаться в дойче.

Берлин, кстати, Максусов совсем не понравился: серый, скучный город с длинными, прямыми улицами. Все слишком правильное, скучное, расчерченное по линейке, на прусский манер. Бездушно, рационально, зато с большими удобствами для жителей и туристов. Транспорт ходил по расписанию, по электричкам можно было сверять время. Станции метро, куда попадали прямо с улицы, без всяких длинных эскалаторов, были через каждые полкилометра, а то и чаще. По аллеям красивейшего Тиргатен-парка чинно гуляли молодые дамы с колясками. Почти как в кино.

Макса очень удивил Восточный Берлин – до сих пор в нем имелись проплешины, оставшиеся от войны. Никто их почему-то не застраивал – эти обширные пустыри и провалы между домами почти в самом центре города. Кажется, столько лет уже прошло, пора бы...

В общем, Максус немецкая столица не приглянулась, и если бы не Зоосад с его забавными животными и не Кудамм со сверкающими магазинами, полными самых модных товаров, то и смотреть бы было нечего. Даже костел с настоящим органом Макса не особо заинтересовал. А музыка Баха показалась печальной и унылой, одни завывания. Единственная польза от поездки в Берлин заключалась в том, что он хорошо выучил дойче и потом не знал с ним проблем до самого конца школы.

В спецшколу, кстати, его устроила мама – она мечтала, чтобы сын получил гуманитарное образование. В английскую, очень престижную, попасть не удалось – все места оказались уже занятыми, а вот в немецкую его взяли без проблем. Максимка был умен и хорошо подготовлен – в шесть лет свободно читал, легко складывал и вычитал числа до ста, знал таблицу умножения. К изучению иностранных языков он особо не стремился, его больше интересовала техника, но раз мама сказала... Отец был не против – знание иностранного языка еще никому не помешало.

Особых талантов к лингвистике у Макса не обнаружилось – так, средние способности, но он был усидчив и аккуратен, а потому всегда числился среди хорошистов и отличников. Помогло в учебе и то, что Макс с детства привык доводить дело до конца, а его исполнительность и обязательность высоко ценились в школе. Эти качества ему, кстати, достались от отца, большого педанта и аккуратиста.

Отец был инженером-конструктором и обожал технику, особенно самолеты (работал в одном из авиационных КБ). Он мог часами объяснять Максусу, как устроен лайнер, что и

как в нем работает. Мама, врач-терапевт, такому общению не мешала (мальчик все-таки), но втайне надеялась, что сын после окончания школы поступит в мединститут и станет хирургом. Или, по крайней мере, врачом-терапевтом, как она сама. Продолжит, так сказать, семейную традицию...

Отец на это скептически хмыкал – у мальчика явный интерес к технике, пусть идет в авиационный! Будет конструктором, инженером, разработчиком новых систем. Да и конкурс в технический вуз намного ниже, чем в медицинский.

Макс не хотел становиться ни инженером, ни врачом, его привлекало иное – живое общение с людьми, организация и управление. Поэтому, подумав, выбрал менеджмент – престижную и модную тогда профессию. Конкурс на соответствующий факультет был большой, но Макс напрягся и поступил – причем без всякого блата. И даже без репетиторов – сам все вы зубрил и сдал. Пять лет честно отсидел на студенческой скамье, считался хорошистом, вовремя сдавал все экзамены и зачеты. В конце пятого курса написал неплохую дипломную работу и наконец получил заветный документ об образовании.

И пошел устраиваться на работу. Вот тут и выяснилось, что таких, как он, менагеров, пруд пруди. Точнее – как собак нерезаных. И все с дипломами. Часто даже с более крутыми, чем у него. Макс пришлось немало побегать, прежде чем устроился на первую работу. От помощи отца и матери он принципиально отказался – сам могу.

И смог – нашел, устроился. Проработал несколько месяцев, потом понял – надо валить, глухое место, перспектив никаких. Перешел в другую фирму, но через пару месяцев опять уволился – зарплата низковата.

Так прыгал с места на место несколько лет, пока наконец не нашел нынешнюю службу – менеджера по продажам в крупной компьютерной фирме. Работа чистая, престижная и главное – хорошо оплачиваемая. Макс добился уважения коллег и понимания со стороны начальства. Со временем надеялся занять место заместителя главного или даже открыть собственное дело. А почему нет? Опыт-то у него есть, и очень немалый...

* * *

Да, вздохнул Макс, все у него было: и красавица жена, и милая дочка, и дом полная чаша. Чего еще желать? И если бы не эти часы...

А сейчас сидит он в траншее, и его обстреливают свои же, русские. Через минут десять-пятнадцать доиграют на своих «органах» и пойдут в атаку. С криком «ура» и винтовками наперевес. Вот тогда ему придется открывать огонь...

Артиллерия особого вреда его взводу не доставляла, снаряды рвались далеко позади, осколки в узкие, извилистые траншеи почти не залетали, но на нервы обстрелы действовали изрядно. Особенно пронзительные, изматывающие душу завывания «сталинских органов».

Макс усмехнулся: надо же, называет родные «катюши» на немецкий манер. Дожили... Прав был все-таки классик – ко всему-то подлец человек привыкает, ко всему приспосабливается. Можно, наверное, приспособиться и к этой действительности. К немецкой форме, службе в вермахте и к войне со всеми ее опасностями... К гулкому грохоту взрывов, противному дрожанию земли, острым, горячим кусочкам металла, залетающим в окопы. А также к ощущению своей полной беспомощности перед огненной стеной, неумолимо надвигающейся спереди.

Верно говорят: худшие минуты – перед атакой, они тянутся вечно. Во время обстрела Макс обычно сидел рядом с фельдфебелем Загелем и курил. Неунывающий, разговорчивый Курт скрашивал ожидание своими байками. Его анекдоты и простые, незамысловатые шутки-прибаутки очень помогали расслабиться и на время забыть о предстоящем бое.

– Подходят как-то к фельдфебелю два солдата, – травил очередной анекдот Курт, – просятся в отпуск. Жениться, значит. Но один хочет уехать на две недели, а другой – на целый месяц. «Почему просишь на две недели больше?» – спрашивает фельдфебель у второго. «А мне еще найти невесту надо!» – отвечает тот.

Все смеются, в том числе и сам Макс. Юмор у Загеля был простой, армейский, но действовал хорошо, успокаивающе. И тема для разговоров после этого сразу находилась – дом, семья, отпуск. Все хотели вырваться из русского ада хотя бы на пару недель, побывать в Германии, но мало кого отпускали. Какой там отпуск, когда большевики прут! Вот и сидели в окопах, готовились к очередному бою...

Обстрел наконец закончился, Макс привстал, осторожно выглянул. Так, теперь жди наступления... Достал бинокль, посмотрел: так и есть, справа по полю медленно ползли пять «тридцатьчетверок», а за ними, пригнувшись, бежала пехота. «Хоть не в полный рост на сей раз, – подумал он с удовлетворением, – не лезут под пули. За танками больше шансов уцелеть...»

Макс убрал бинокль на место и приказал Курту Загелю: «Стрелки и пулеметчики – на позиции». Тот продублировал команду, солдаты заняли свои места. Готовили карабины, раскладывали гранаты, вставляли длинные ленты в пулеметы...

В обязанности Макса, к счастью, не входила борьба с танками, надо было лишь отсечь русскую пехоту. С «тридцатьчетверками» боролись полковые орудия, стоявшие позади роты. Они и должны остановить грозные русские машины, а потом помочь своим панцерам завершить разгром. Четыре Т-III спрятались за невысоким пологим холмом в паре километров от передовой. Ждали своего часа.

Ему надо было лишь пропустить русские танки через себя и отсечь пехоту наступающих, не дать подобраться к траншеям. И уж тем более не дать захватить и закрепиться. А то потом не выкуришь. Основной удар принимала на себя артиллерия, она уничтожала танки. Панцеры были в резерве и предназначались для контратаки.

Когда красноармейцы отходили, они и вступали в бой. Под их прикрытием вперед шли уже немецкие роты. Требовалось как можно быстрее добежать до траншей противника и захватить трофеи, желательно побольше. А потом сразу назад, пока русские не очухались и не организовали новое наступление. Вот так они и сражались – вперед-назад, как маятник.

Среди германских солдат весьма ценились советские ППШ, которые Макс по привычке называл автоматами. Пистолеты-пулеметы Шпагина были проще и надежнее, чем немецкие МР-38, и солдаты ими охотно пользовались. Даже уважительно называли ППШ «маленьким пулеметом», хотя и жаловались, что диск трудно и долго набивать. Зато патронов – целых семьдесят штук! Так же высоко ценились русские снайперские винтовки – за силу и точность, но попадались они крайне редко...

Макс вел наблюдение. Мины с противным чавканьем рвались перед его окопом, поднимая маленькие фонтанчики земли, к обстрелу подключилась и артиллерия. Тут же ответили немецкие орудия...

«Тридцатьчетверки» пошли зигзагами, стараясь уйти от плотного огня, красноармейцы залегли. Красно-черные взрывы вставали среди них все чаще и чаще. Взвод Макса вел плотный пулеметный обстрел, внося свой вклад в отражение атаки. Русские били по ним из танков. Звонкое уханье башенных орудий то и дело перекрывало резкий треск МР-38. Взрывы перепыхивали позиции взводов. Немецкие солдаты пригибались и с проклятиями падали на дно окопов...

Макс следил, чтобы никто не поддался панике и не побежал. «Один за всех, все за одного» – этот девиз французских мушкетеров как нельзя лучше отражал отношения в роте.

Да и во всем вермахте тоже. Солдаты и офицеры понимали – только вместе можно противостоять сильному и хорошо вооруженному противнику. Или все погибнут, или все победят.

Солдаты уважали своих командиров, понимали, что те честно получили свои погоны, прошли все ступени службы. Начинали рядовыми, сидели, как и они сами, в окопах, кормили вшей, мерзли, голодали. И лишь потом, послужив, проявив себя, заслужили офицерское звание. Макс был абсолютно уверен, что, если его ранят, его вынесут с поля боя и доставят в госпиталь. А не бросят умирать в грязной воронке...

Это немного радовало. Курт Загель однажды сказал, когда они устало курили после очередной атаки: «Я уважаю вас, герр лейтенант, потому что вижу, что вы из того же теста, что и я. Как все в нашем взводе... Пусть вы образованнее и умнее, но вы свой, солдат. И я буду драться за вас».

– Не боитесь быть убитым? – поинтересовался тогда Макс.

Каждый день в их взводе кто-то получал тяжелое ранение или погибал – активно действовали русские снайперы.

– Жизнь – сложная штука, – философски ответил Курт. – От судьбы никуда не денешься. Как бы ни старался... Чему быть, того не миновать.

Фатализм был присущ многим немецким солдатам. И еще, как заметил Макс, его подчиненные никогда не говорили о политике, зато часто и охотно ругали партийных бонз. «Они сидят там, в Берлине, в полной безопасности, – говорили они, – а мы гнием здесь, в окопах. И каждую минуту можем быть убиты. Разве эти жирные свиньи могут понять нас? Эти зажавшиеся партийные чиновники... Их сюда бы, к нам на передовую, пусть повоюют». Впрочем, все разговоры велись, как правило, перед очередной атакой. Чтобы немного отвлечься и расслабиться...

* * *

Русские танки разошлись веером и медленно наползали на немецкие траншеи. Макс прикинул – основной удар придется по соседнему взводу, где командовал оберфельдфебель Франц Фурбах.

Макс его хорошо знал – тот был приятелем Загеля и часто бывал у них. Оба они считались ветеранами, воевали с 1939 года, прошли французскую и польскую кампании, крепко держались друг друга. Загель и Фурбах любили покурить, поболтать за кружкой кофе, а то и выпить шнапса, если была такая возможность. Табак для трубок они получали из дома (оба – земляки, из Вестфалии) и предпочитали его любым немецким и даже французским сигаретам. Домашние посылки, а также письма, теплые вещи, шоколад и курево, получаемые на Рождество, были самыми ценными вещами на фронте. Разумеется, после еды, оружия и боеприпасов.

Макс тоже получил из дома два письма. Конечно, не он, а лейтенант Петер Штауф. От жены Эльзы и от матери. Макс со странным чувством прочитал оба послания. С одной стороны, ему было как-то неловко – ведь эти письма предназначались другому человеку, а с другой – этим другим человеком являлся он сам. Вот такой получился парадокс...

Мать Петера спрашивала, почему он давно не пишет, не случилось ли что. Она передавала приветы от родных и близких, в том числе от отца и сестры Инги. Та чрезвычайно гордилась своим старшим братом и мечтала после школы пойти учиться на медсестру. Чтобы потом служить на фронте, в госпитале. Инга, кстати, недавно стала командиром отряда...

«Значит, девушка на фотографии – это родная сестра Петера, Инга, – понял Макс. – Заканчивает сейчас школу и, естественно, состоит в Союзе немецких девушек. Тот же Гитлерюгенд, только женский». С одной фотографией вроде бы разобрались. Логично было предположить, что на второй запечатлены родители Петера.

Теперь Макс знал, как выглядят отец, мать и сестра лейтенанта Штауфа, что было уже неплохо. Не пройдет мимо, если что. Хотя все можно было списать на амнезию...

Отвечать им Макс не стал – не знал, что и как обычно пишет лейтенант Штауф, какие слова и выражения употребляет. Ведь письма родным и близким – это особые послания, очень личные. Если напишешь не так – родные сразу поймут, что это другой человек. И могут возникнуть вопросы...

По той же причине он не стал отвечать Эльзе – кто его знает, как обращался к ней Петер. Эльза спрашивала, не ранен ли он, не контужен ли, а также сообщала о Марте и ее успехах. О себе почти ничего не писала, лишь мельком упомянула, что у нее все в порядке. К письму был приложен небольшой рисунок, сделанный детской рукой – Марта постаралась. Кривоватый домик под лучистым солнцем, яблони в саду и мужчина в военной форме возле него. Очевидно, это он сам, Петер Штауф...

Обычные детские каракули, но они напомнили Макс о Марине и Машке. И опять он затосковал. Весь день ходил, как в воду опущенный, что заметили все. Курт Загель посоветовал послать домой фото в доказательство того, что с ним все хорошо, Макс воспользовался этим советом. За две марки сделал снимок у полкового фотографа и выслал Эльзе.

Чтобы не вызвать подозрений, адрес написал крупными печатными буквами, а на самой карточке красивым готическим шрифтом (учили в школе) тщательно вывел: «С любовью, твой Петер». Точно не ошибешься...

Вот только как бы послать весточку, хотя бы самую короткую, своей собственной жене, Маринке? Эта проблема оставалась неразрешимой.

«Хорошо, что не на меня прут, – подумал Макс, глядя на танки, – а то опять пришлось бы зарываться в землю по самые уши». И молить судьбу, чтобы его не засыпало, как в прошлый раз.

Такое с ним уже случалось: три дня назад одна «тридцатьчетверка» прорвалась на его позицию, но, вместо того чтобы быстро проскочить через траншею и рвануть дальше, вдруг развернулась и стала его утюжить. Макс едва успел рухнуть на дно и забиться в какую-то щель, его завалило тяжелыми пластами земли. К счастью, вовремя подоспели свои солдаты, откопали, помогли вылезти. Однако ощущение осталось крайне неприятное. Как будто заживо похоронили...

«Свои», – усмехнулся Макс... Немцы, в смысле. Которые, по идее, должны быть врагами. Он же русский, даже советский... Но за три недели, что он пробыл в окопах, многое в его сознании переменилось. Он уже не воспринимал немцев как врагов. Более того, многие стали ему почти друзьями – боевыми товарищами, камераденами. И спали, и ели они вместе, вместе отбивали атаки противника. А они, кстати, с каждым днем становились все упорнее и продолжительнее.

Вот как сейчас, например. Пять русских танков и не менее батальона пехоты, по самым скромным прикидкам, и все – на одну роту. Обер-лейтенант Отто Нейман находился позади его взвода, на своем КП, и руководил минометным огнем. Вся надежда оставалась на артиллерию и танцеры, спрятавшиеся за холмом.

Полковые 75-миллиметровые пушки, стоявшие за окопами, конечно, могли остановить русские танки, но лучше все-таки Т-III и Т-IV. Хотя «тридцатьчетверки» часто выигрывали в дуэли с ними – благодаря своей броне и скорости. А полковые орудия они уничтожали с ходу...

Так было и на этот раз. Танки успели довольно близко подойти к немецким позициям и даже поразили одно из орудий. Макс увидел в бинокль, как засуетилась артиллерийская прислуга, пытаясь поставить на колеса перевернутую пушку. Это удавалось с большим трудом – мешал сильный огонь «тридцатьчетверок». По ним вплотную били из танков...

Оставшаяся пушка вела судорожный огонь, посылала один снаряд за другим, но существенного вреда русским машинам не наносила. «Да, дела неважные, – подумал Макс, – еще пять минут, и от нашей доблестной артиллерии ничего не останется. А потом примутся за них». В роте было всего два орудия, и этого оказалось крайне мало. А «колотушки» против «тридцатьчетверок» вообще были малоэффективны.

Русские танки с ходу проскочили траншеи и подошли вплотную к артиллеристам. «Ну вот и все, – решил Макс, – сейчас раздавят гусеницами, сотрут их в мелкую пыль. А тех, кто не успеет убежать, расстреляют из пулеметов». К счастью (хотя какое оно счастье, если разобраться?), на пригорок быстро выкатил немецкий вездеход с 88-миллиметровой зениткой, «ахт-ахт». Орудия прозвали так за звук, издаваемый при стрельбе. Расчет с ходу отцепил пушку, развернул и навел на ближайший танк.

Эффект от стрельбы превзошел все ожидания: первым же выстрелом удалось перебить гусеницу машины. Та завертелась на месте, а затем резко сдала назад, попала в какую-то канаву и замерла. Экипаж успел покинуть ее за секунду до того, как в башню угодила второй снаряд. По броне побежали яркие змейки пламени, а затем изнутри повалил жирный, чадающий дым. Экипажу другой машины повезло меньше – попадание оказалось роковым. Раздался страшный взрыв, и башня отлетела в сторону. Вряд ли кто уцелел... Оставшиеся танки открыли по зенитке огонь. Та стояла практически на открытом месте и представляла собой отличную мишень.

Перестрелка оказалась недолгой – прямой выстрел угодил в цель. Зенитку и расчет сразу накрыло, во все стороны полетели обломки металла и куски человеческой плоти...

Макс с ужасом увидел, как в метре от него шлепнулась чья-то оторванная нога в солдатском сапоге. Земля тут же окрасилась кровью. Он невольно поежился и почувствовал во рту противный металлический вкус страха. Пересохло в горле, а язык прилип к небу. Как в каком-то ночном кошмаре... Но это была реальность, и от нее невозможно было никуда деться...

Зенитчики спасли роту от уничтожения: русские танки, потеряв две машины, отошли, за ними стала отступать и пехота. Настало время для немецкой контратаки. Макс вздохнул и стал ждать приказа «вперед». И попробуй его не выполнить...

Глава 5

Четыре панцера с крестами тяжело перевалились через немецкие окопы и начали ответное наступление. Прибежал с командного пункта обер-лейтенант Нейман, приказал – в атаку! Макс вздохнул, вытащил из кобуры «вальтер» и крикнул: «За мной!»

Первые сто метров он бежал пригнувшись, а потом распрямился – танки отогнали красноармейцев далеко назад, можно было не опасаться случайной пули. Но вот скоро опять вступит в бой русская артиллерия... Макс прибавил ходу: лучше не отрываться от своих танков, держаться прямо за ним. Все-таки прикрытие, так безопаснее...

Того же мнения придерживалось и большинство его солдат. Дружно бежали впереди лейтенанта, стараясь тоже не высовываться. Возглавлял атаку, как всегда, верный фельдфебель Загель. Макс подгонял своих подчиненных и смотрел, чтобы никто не отстал и не залег.

Бежать приходилось зигзагами – все поле было перепаханό снарядами. От свежих воронок противно несло кислым, удушливым запахом, в старых стояли тухлые лужи. Там и сям валялись трупы, которые не успевали убрать, их тоже приходилось обегать. В крайнем случае – перепрыгивать. Некоторые тела раздулись от жары и воняли нестерпимо. Что поделаешь, обычный запах войны. Запах страха, крови, смерти и разложения. И еще гари – от подбитых танков...

Макс старался дышать через рот, но все равно его чуть не стошнило. Впереди завязался небольшой бой – его солдаты достигли передовой и вступили в схватку с противником. Громыкнули гранаты, защелкали пистолетные и винтовочные выстрелы. Отборный мат звучал вперемешку с немецкими ругательствами.

Макс сбавил ход – пусть разберутся сами, без него. Укрылся за разбитой «тридцатьчетверкой» и стал ждать, пока все кончится. Хватит с него личного участия в рукопашной...

К счастью, схватка была недолгой – русские отошли, немецкие солдаты заняли окопы. Макс добежал до них и прыгнул вниз. И чуть было не споткнулся об убитого красноармейца. Молодого, светловолосого, лет двадцати, не больше. Мертвые глаза с удивлением и болью смотрели в ясное синее небо, а на губе запеклась капелька крови. Макс отвел взгляд и постарался не думать о том, что происходило здесь всего минуту назад.

Он не был храбрецом, наоборот, всегда, с самого раннего детства старался не ввязываться в драки. Не был заводилой, лидером, не стремился во всем первенствовать и вести за собой. Можно сказать, был трусоват. Он также не любил скандалов и выяснений отношений, предпочитая по возможности решать все мирным путем, без крика и драки. Был осмотрителен, осторожен, а потому, как правило, неплохо ладил с людьми и ни с кем не конфликтовал.

Что весьма помогло в работе, ведь главными для менеджера по продажам являлись хорошие отношения с клиентами. Коммуникабельность, покладистость, умение найти разумный компромисс – это помогало наладить контакт и быстро реализовать товар. Причем с приличной выгодой. За это его ценило начальство и даже ставило в пример остальным сотрудникам – вот как надо работать! Те ему завидовали и тихо ненавидели...

Эти же качества помогли ему выстроить правильные отношения с Маринкой. С ней у него не было конфликтов, лишь в самом начале брака, когда они только привыкали друг к другу и притирались, имели место быть некоторые недоразумения и шероховатости. Но Макс легко сгладил их. В спорах с женой он обычно уступал, сдавался, поднимал лапки кверху. Зато потом, поостыв, Маринка платила ему любовью и благодарностью. Особенно в постели.

Она, в отличие от него, была по натуре лидером, вожаком, человеком упрямым, своенравным. Очень любила показать себя и всегда стояла на своем. Иногда до тупой упертости... Макс приходилось это учитывать. Но он не страдал от таких отношений. Ему проще

и легче было согласиться с Маринкой, чем спорить и ругаться. Ни к чему хорошему семейные конфликты не вели, и сиюминутная победа в спорах не стоила потрепанных нервов и испорченного настроения.

А с тещей отношения у него сложились отличные, причем сразу. Лидия Васильевна приняла его мгновенно и безоговорочно. Она не раз говорила Маринке, как ей повезло с мужем. «Максик просто золото, а не человек, – неустанно повторяла она, – заботливый, нежный, внимательный, умеет выслушать и понять. Это такая редкость среди современных молодых людей! К тому же почти не пьет, по бабам не бегает и деньги не ветер не бросает. Наоборот, все домой, все в норку». В спорах теща, как правило, вставала на его сторону, что весьма способствовало созданию крепких семейных отношений. Маринка любила проявлять характер, стремилась всегда и во всем доказать свою правоту, но мать ее сдерживала и сглаживала конфликты.

После рождения Машки Лидия Васильевна стала просто незаменимой для семьи – всегда могла помочь, посидеть и погулять с малышкой. Маринка не хотела надолго оставлять работу (вела рубрику в гламурном женском журнала), а потому часто просила мать побыть с дочкой. Та охотно соглашалась. В общем, в некотором смысле у них в семье была идиллия. Или почти что...

Тут, на фронте, от него требовались иные качества. Петер Штауф, как выяснилось, был храбрецом, отчаянным парнем и всегда первым несся в атаку. Это мешало Максиму – он-то совсем не рвался в бой, не стремился подставлять свою голову под пули. Но следовало соответствовать образу и так же проявлять храбрость. Хотя бы для вида...

А у него во время очередной атаки внутри все сжималось и в буквальном смысле тряслись поджилки. Когда бежишь по открытому полю, а по тебе бьют из танковых орудий... Но что делать, приходилось старательно играть свою роль. Не скажешь же: «Извините, ребята, но я трус». Не поймут, мягко говоря...

Макс обычно первым вылезал из траншеи и подавал пример остальным, воодушевлял, так сказать, на бой. Но все это – стиснув зубы и зажмурив от страха глаза. Единственное, что он никогда не делал, – не участвовал в рукопашной. Первый опыт навсегда остался у него в памяти, и повторять его не хотелось. Макс притормаживал перед окопами противника, предоставляя право первыми ворваться в них своим подчиненным. И лишь потом появлялся среди победителей.

Так было и на этот раз. Бой закончился, солдаты выбили красноармейцев и теперь собирали трофейное оружие и боеприпасы – пригодятся. Санитары относили убитых и раненых в свои траншеи, а фельдфебель Загель наводил порядок. Все шло своим чередом.

– Господин лейтенант, что делать с мальчишкой? – обратился к нему унтер-офицер Хельфнер.

Немолодой унтер держал за шиворот парнишку лет четырнадцати-пятнадцати. Тот был сильно напуган и легко ранен – из разодранной щеки обильно текла кровь.

Мальчишка был одет в красноармейскую форму, явно слишком большую для него. «Скорее всего сын полка», – решил Макс.

– В блиндаже его обнаружил, – пояснил Хельфнер, – забился в самый угол и сидел там. Думал, наверное, не заметят. Куда его, к остальным пленным?

Макс посмотрел на паренька: тот был тощим, кожа да кости, если отправить в плен, точно не выживет. Макс знал, как обращаются в лагере с пленными красноармейцами – не кормят по несколько дней. А если и дают еду, то жидкую баланду из тухлых капустных листьев. О медицинской помощи и речи не было. Лишь через неделю тех, кто остался в живых, отправляли под конвоем в тыл. Что-то в душе Макса дрогнуло, и сердце его странно сжалось...

– Подождите, – сказал он, – я сам допрошу пленного.

Унтер кивнул – конечно. Он оставил мальчишку на попечение Макса, а сам побежал дальше – устанавливать пулеметы на случай русской контратаки. Макс отвел парнишку в одно из боковых ответвлений окопа, усадил на разбитый деревянный ящик и тихо спросил по-русски: «Как тебя зовут?» Мальчишка вздрогнул – очевидно, не ожидал услышать родную речь от немецкого офицера.

– Ваня... Белоусов... – так же тихо ответил он.

«Черт! – подумал Макс. – Не тот ли это Иван Белоусов, дед Маринки?» Он точно знал, что героический предок его жены папаненком удрал на фронт и воевал как раз в здешних местах, де еще в это же время – летом 1942 года. Вряд ли это случайное совпадение... Но на всякий случай уточнил:

– Ты откуда родом, парень, из какой деревни?

– Здешний я, из Брошек. Недалеко тут...

«Так, все верно, тот самый Иван Белоусов, понял Макс. Что же с ним делать? В плен отправлять никак нельзя – наверняка погибнет. Значит, тогда и Маринка не родится? И он на ней не женится, и не появится дочь Машка?»

Макс верил, что всякие изменения в прошлом непременно влияют на будущее, поэтому боялся что-то сделать не так, что-то непоправимо изменить. По той же причине он старался вообще ни во что не вмешиваться – пусть все идет так, как положено. Война продлится четыре года и закончится в Берлине, Советский Союз обязательно победит. Третий рейх падет в мае 1945-го, безоговорочную капитуляцию подпишет гросс-адмирал Карл Дёниц. Все правильно.

А тут такое дело! Событие было напрямую связано с его собственной судьбой. Макс привстал, осторожно оглянулся: солдаты занимались своими делами – кто-то проверял трофейное оружие, кто-то собирал боеприпасы, кто-то курил или делился впечатлениями от недавней атаки. Удобный момент. Макс приказал мальчишке: «Иди за мной!»

– Дяденька, не убивайте меня! – захныкал паренек, размазывая грязной ладошкой слезы по щекам.

– Не убью, – встряхнул его, чтобы привести в чувство, Макс, – наоборот, отпущу. Скажи нашим... В смысле, своим...

Что он мог передать? Что вермахт подтягивает резервы и скоро начнет большое наступление на Сталинград и на Северный Кавказ? Или что через полгода у немцев появятся новые танки – «тигр» и «пантера»? И что не стоит верить союзникам и их обещанию по поводу Второго фронта, который откроют лишь в 1944 году? Так ведь примут за попытку дезинформации. Причем не очень умелой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.